

ПИОНЕР

Из-во „Молодая Гвардия"

Смерть ошибкам!!!

Рассказ Р. РОМАНА
Рис. худ. Б. ПОКРОВСКОГО

Он был окружен всеобщим почтением и вниманием.

Еще бы.

Ведь он собирался освободить все учащееся человечество от вечно неразрешимого вопроса: как пишется—«щикатурка» или «щекатурка». Он хотел, чтобы непонятно почему приятная учителю «штукатурка» сама собой появлялась на бумаге. Он изобретал чернила, пишущие без ошибок.

Вы сами понимаете, какой это изобретение произвело бы переворот в учении.

Не было бы огорчений из-за «этого», написанного через «е», не было бы горьких слез над «бумажкой», написанной через «ш».

Самопишущие чернила, для которых Валька (так звали изобретателя) уже придумал зазвонистое название:

«СМЕРТЬ ОШИБКАМ»,

должны были мигом уничтожить всю малограмотность в Советском Союзе и дать изобретателю мировую славу. Удивительно ли, что сам Валька на правописание не обращал никакого внимания.

— Зачем обременять свой мозг массой никчемных правил, если будет существовать «Смерть ошибкам»?

Чернявая стриженая голова Вальки усердно работала, и следы этой работы были видны на всех частях Валькиного тела

— Да что ты, купаешься что ли в чернилах? — говорила дома мать:—прямо, как зебра какая-то полосатая, ходит.

Но «полосатая зебра» на эти замечания отвечала молчанием.

Следы Валькиных исканий были, однако, не только на его теле и одежде. Раз, например, в классе распространилась ужаснейшая вонь. Глаза от нее вылезали на лоб, в носу скребли кошки. Несознательные ученицы начали одна за другой валиться в обморок.

Открывание настежь окон не помогало.

— Очевидно, чемберленовский налет!—решил секретарь ячейки Осоавиахима и в два счета снабдил всех противогазами.

Героический староста стрелкового кружка помчался за винтовками «Геко», которые должны были сразить чемберленовские эскадрильи.

Сознательная часть учениц надела белые повязки с красным крестом и открыла перевязочный пункт, в котором имелось 2 капли иоду и один носовой платок, исполнявший обязанности бинта.

Малыши забились в угол, имевший громкое название «газоубежища», и оттуда испускали дикий рев, слышный, несмотря на противогазы:

— Хо-очу... к ма-аме!

Тогда на средину вышел бледный, растерянный Валька и сказал:

— Простите, товарищи, это всего-навсего неудачный опыт с чернилами «Смерть ошибкам».

В другой раз совершенно неожиданно из чернильниц полезла какая-то сизая шипящая кашица. Она перелезала через края чернильниц и неудер-

(Продолжение на 3-й стр. обложки).

На бумаге нет никаких следов написанного

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60 „
„ 3 „ — „ 85 „
„ 1 „ — „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

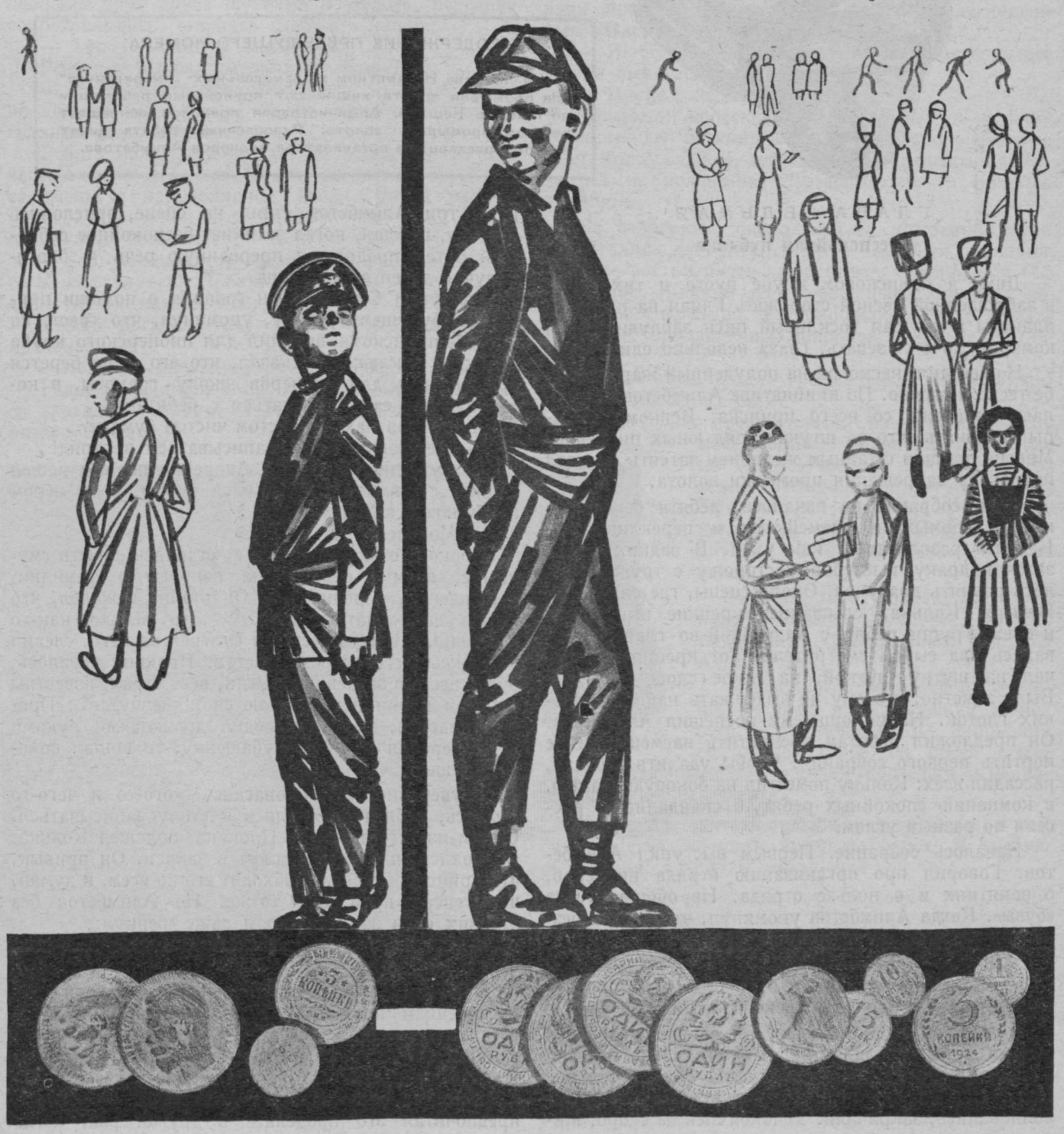
ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, Нов. площадь. 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“
Подписка принимается В Главной Конторе Периодических Изданий „Молодая Гвардия“, Москва, Новая пл., 6/8

№ 24 ДЕКАБРЬ 1927 г.

Кто учился в школах раньше — Кто учится теперь

Тов. А. В. Луначарский на сессии ЦИК СССР рассказывал о том, как выросла и улучшилась наша, советская школа против прежней, царской. Вместо помещичьих сынков-гимназистов—в наших школах учатся дети рабочих и крестьян. Учащихся в СССР на 31% более, чем в царской России. Посмотрите на рисунок. Раньше на образование каждого жителя России тратилось в среднем 2 рубля 18 коп. Теперь на каждого гражданина СССР тратится 4 рубля 79 коп. Наша школа растет и крепнет

Повесть П. САХАРОВА
Рисунки К. КУЗНЕЦОВА
(Окончание).

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА.

На прииске Незаметном на самодельных „америнканнах“ для промывки золота хищничают приисковые ребятишки во главе с Кешкой. Администрация приисков запрещает ребятам промывать золото. Разозленные ребята винят в этом приехавшего организатора пионеров Алимбетова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Беспокойная публика

Днем в приисковом клубе пусто и тихо, как в заброшенной лесной сторожке. Глядя на пыльные плакаты и слушая тоскливый писк заблудившихся комаров, хочется зевать, глаза невольно слипаются.

Но сегодня, несмотря на полуденный жар, в клубе тесно и шумно. По инициативе Алимбетова собралась молодежь со всего прииска. Всякому любопытно узнать: что за штука отряд юных пионеров? Многие пришли с тайным желанием затеять скандал по поводу запрещения промывки золота.

Пока собрание не началось, ребята бегали по клубу, громыхали скамейками и перекликались. Каждый развлекался, как умел. В задних рядах затеяли драку, и клубному сторожу с трудом удалось разнять драчунов. Около сцены, где сидел сын Пузыря Колька, слышались крепкие выражения и смех. Группа ребят, с Андрейкой во главе, издевалась над сыном смотрителя. Тот крепился, отвечал на шутку шуткой, на едкое слово—тем же. Было заметно, что ему не выдержать напора стольких глоток. На помощь ему поспешил Алимбетов. Он предложил ребятам прекратить насмешки и не портить первого собрания. Чтобы удалить соблазн, рассадил всех: Кольку поместил на боковую скамью, в компанию спокойных ребят, а скандалистов рассеял по разным углам.

Началось собрание. Первым выступил Алимбетов. Говорил про организацию отряда пионеров, о занятиях и о пользе отряда. Не обошлось без «бузы». Когда Алимбетов упомянул, что ребята бездельничают и шатаются по прииску, затевая скандалы и драки, кто-то крикнул:

— Сами виноваты! Не запрещайте мыть золото— не будем бездельничать и скандалить!

Алимбетов не растерялся. Он ожидал подобного выпада и быстро дал ответ. Но его слова исчезли в шуме и криках. Стоило слегка задеть больное место—запрещение промывки—и все вскочили, заволновались, закричали. Успокоились не скоро. Минуты три Алимбетов стоял на сцене, прислонясь к столу, и ждал, когда затихнет беспокойное собрание. Затем продолжал прерванную речь и благополучно довел ее до конца.

Выступил Стрычак. Он говорил о помощи прискома будущему отряду, упомянул, что трест, по просьбе прискома, выделил для пионерского клуба барак. В заключение сказал, что его жена берется организовать для пионеров школу грамоты, в которой будет сама заниматься с ребятами.

Алимбетов махнул листом чистой бумаги.

— Желающие могут записываться в отряд!

К изумлению Кешки и Андрейки первым пошел Прокоп. Алимбетов улыбнулся ему и, водя пером по бумаге, сказал:

— Молодец.

Прокоп тоже улыбнулся и, стараясь скрыть смущение, громко отвечал на вопросы о фамилии, о рождении, о родителях. Он втайне сожалел, что пошел записываться первым. Это вышло как-то невольно, а теперь весь зал смотрел на него, следил за каждым его словом, жестом. Прокопу казалось, будто все его затаенные мысли, весь страх, известны ребятам и они пересмеиваются и шепчутся... Прокоп краснел, нелепо поводил дрожащими руками и то теребил грязную рубашенку, то щипал волосы на шее.

Неуверенно, точно опасаясь кого-то и чего-то стыдясь, ребята потянулись к столу записываться. Одним из первых после Прокопа подошел Колька. Он боялся, что ему откажут в записи. Он привык, что приисковые ребята обходят его во всем, и думал, что теперь произойдет то же. Но Алимбетов без лишних слов записал его и даже шепнул:

— Теперь, парень, тебя никто заедать не будет, отряд заступится.

В задних рядах сгруппировалась скептически настроенная компания. Кешка и Андрейка присоединились к ним. Отсюда по адресу вступающих в пионеры неслись обещания «намылить карточку» и «пересчитать ребра». На многих эти угрозы подействовали и они побоялись записываться сейчас, предпочитая это проделать в другой раз, когда

будет поменьше свидетелей. Все же, к концу записи в списке Алимбетова имелось восемь человек ребят и одна девочка.

— Слушайте, ребята!—крикнул Алимбетов,—кто не записался в отряд сегодня, может записаться у меня в любое время. Сейчас собрание считаю оконченным.

Загремели отодвигаемые скамьи, поднялся невообразимый шум. Некоторые, из любви к расхлябанности и неразберихе, усиливали шум свистом и дикими криками. Кто-то побросал скамьи на пол. У выхода образовалась пробка; задние напирали, поощряя друг друга шутками и смехом, передние сопротивлялись, стараясь сдержать напор.

— Тише!—крикнул Алимбетов.

Ребята у выхода смолкли и обернулись.

— Если хотите приходить сюда, то хулиганству не должно быть места! Иначе придется удалять главных скандалистов.

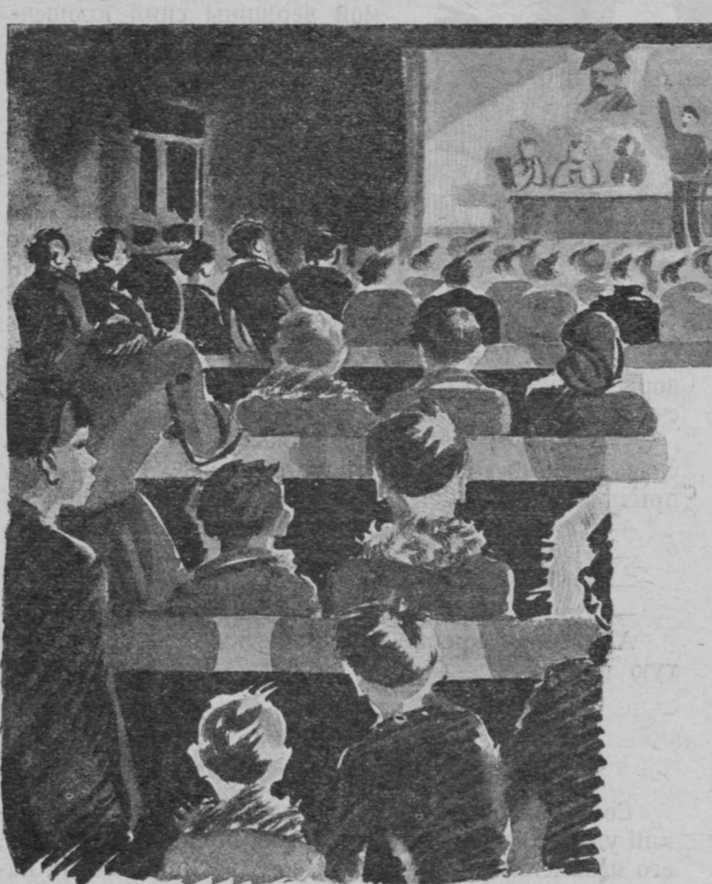
Ребята молчали и ждали, не скажет ли он еще чего. Алимбетов больше ничего не сказал, спрыгнул со сцены и направился к двери. Толпа расступилась, пропуская его. За ним тихо, без давки, потянулись остальные.

В растекающейся по разным направлениям массе Кешка заметил Прокопа. Тот шел уверенно, радость играла на его лице.

Кешка погрозил ему кулаком и внушительно произнес:

— Подожди, изменник, трус, я с тобой расправлюсь!

Радость покинула лицо Прокопа. Он побледнел, со страхом взглянул на Кешку и поспешил затеряться в толпе.

— Желающие могут записываться в отряд

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Укрощение родителя

На скрытых вечерними тенями задворках кто-то тонко и гневно кричал

— Пусти... не смей драться, пусти меня!

Другой голос, глухой и тяжелый, похожий на стук падающих бревен, отвечал:

— Погоди, я тебя научу!

Алимбетов остановился и прислушался. Голоса звучали совсем рядом. В промежутках между словами доносилось пыхтенье, топот, звук заглушенных материей ударов

— Я тебе покажу! Я из тебя за эту пятерку все кишки вымотаю!

— Пусти... не смей... пусти!

Алимбетов перескочил через дорожную канаву и решительно вступил в темный переулок. «Кого-то бьют, голос слабый, детский, надо выручать!..» Выхватил из поленницы березовый сук и ринулся в темноту.

На задворках, около настежь открытой двери барахтались две фигуры. Одна—высокая, крепкая, другая—ростом почти вдвое ниже, худенькая и беспомощная. Жидкий свет керосиновой коптилки падал на них из двери. Беспомощная фигурка лежала на земле, придавленная широкой ладонью противника

— Что здесь такое?—громко сказал Алимбетов.— Как ты смеешь его бить?

Возня сразу прекратилась. Оба—и победитель и побежденный—удивленно взглянули на Алимбетова. В поверженной на земле беспомощной фигурке Алимбетов узнал Кешку. Не трудно было догадаться, что тяжеловесный победитель доводится Кешке родным отцом.

— Ты... ты кто будешь, чего тебе надо? — сказал тяжеловес, немного смущенный решительным видом Алимбетова.

Кешка воспользовался растерянностью отца и выскользнул из-под него. Отряхиваясь и поправляя с'ехавшие штаны, он стоял в стороне, с любопытством ожидая последствий непрошенного вмешательства.

— Я представитель организации пионеров, и моя обязанность защищать интересы детей. Я требую об'яснения: зачем ты избил его?

Алимбетов проговорил это холодно, официальным тоном, рассчитывая официальностью окончательно смутить тяжеловеса. Алимбетов не проиграл: его слова произвели желательное впечатление. Когда же на сцену явился солидный документ, украшенный многословным штампом и восьмигранной печатью, в глазах тяжеловеса потухли последние вызывающие огоньки.

— Мой сын,—попробовал оправдаться он,—неужто я не смею учить собственного сына? Он украл у меня, у кровного отца, пять рублей! Не учить, так он последнюю рубаху из дому попрет...

— Если он украл, об'ясни, что этого нельзя делать. Он не младенец, поймет, и, наверное, с ним такое не часто случается.

— Ну, уж не часто. Вор он и вором будет... скоро совсем отца в нищету загониг...

— Врет! ей-ей, врет!—возмущенно крикнул Кешка,—ничего я не воровал, первый раз пятерку взял, на жратву... коли сыт был бы, копейки не украл...

Алимбетов повернулся спиной к уничтоженному родителю и громко сказал Кешке:

— Если тебя опять бить будут, беги в горную охрану и составляй протокол. Суд потом разберется и, будь уверен, сделает так, что тебя никто, даже твой отец, пальцем не тронет.

— Дело! — обрадовался Кешка,—спасибо,что научил. Он меня совсем кулачищами извел. Поверишь, за каждую пустяковину в морду тычет! Вчера дров не успел наколоть, так он поленом по спине огрел... весь день спина ныла, как ошпаренная.

— Погоди, выродок, — ворчал отец, скрываясь в бараке,—я тебя не только поленом, оглоблей пришибу...

— Не посмеешь!—звонко крикнул Кешка,—не таковский ты, теперь пальцем не тронешь.

Отец захлопнул дверь, и Кешка остался наедине с Алимбетовым. Было совсем темно. Полоска света от керосиновой коптилки скрылась за дверью вместе с грозным родителем. В темноте Алимбетов смутно различал силуэт Кешки с наклоненной головой и поднятой вверх рукой. Кешка ощупал поврежденный в битве с отцом затылок. Алимбетов подошел ближе и позвал:

— Кешка.

— Чего?

— А пятерку ты все-таки украл?

— Украл.

— Зачем?

Плеск и фырканье прекратились. Из-под навеса показалось мокрое лицо Кешки.

— Жратвы не было. Раньше, когда золото мыли и жратва была, отцовских денег не трогал. А теперь к золоту не подступись, конторские глотку перервут... Что же прикажешь делать? Поневоле в отцовский карман лапу запустишь!

— Разве отец по-доброму не дает?

— В том-то и дело... привык он, что я сам себе пропитание отыскиваю, и теперь дармоедом обзывает... Сам в карты сотни проигрывает, а на меня лишнюю копейку истратить боится.

— В карты? Это последнее дело. И сильно играет?

— По уши залез!

Дверь барака резко скрипнула и на пороге появился отец. Он стоял в свете керосиновой коптилки, упираясь головой в притолку, лохматый и тяжелый. С минуту молчал, всматриваясь в ночную темь, потом вышел за порог и крикнул:

— Кешка, где ты?

— Тут.

— Я ухожу. Сиди дома, не отлучайся. В печи похлебка стоит, поглядывай.

Не дожидаясь ответа, он прошел мимо Алимбетова по тропинке, ведущей к разрезу.

— Играть пошел,—шепнул Кешка Алимбетову,—почитай кажнную ночь сражаются у Трофимыча.

Алимбетов подождал, пока шаги отца отзвучали вдали, и спросил:

— Кто этот Трофимыч?

— Есть такой, из каторжан... постоялый двор держит и втихомолку контрабандным спиртом торгует. Живет с братом там, на склоне сопки, видишь — огонек мелькает...

Кешка протянул руку в том направлении, куда ушел отец. На фоне темно-синего, звездного неба возвышалась грузная, похожая на уродливый горб, сопка. Склоны ее, закутанные в густую зелень лиственниц, сливались во мраке с очертаниями соседних сопок. Почти у самой вершины сиял крошечный огонек. Он то исчезал за взволнованными ветром деревьями, то вспыхивал и горел, как только что взметнувшаяся над костром искра.

— Ты берись за тот конец, я за этот, и понесем,—сказал Кешка. Так и сделали

— И Трофимыч и братец его в карты мастера играть. Поговаривают, будто они нечисто играют. Что ни игра — у всех убыток, только они с прибылью.

— А уличить их не удавалось?

— Нет... одно из двух: или они осторожны, как воры в чужой хате, или и впрямь им фарт идет, счастье.

— Слушай, Кешка,—понижая голос до шепота, сказал Алимбетов,—как твой отец пойдет еще играть, приди и скажи мне... нужно прекратить это, понял?

— Так. А нам за это гриву не намылят?

— Нет, будь покоен.

— Что ж, попробуем.

— Вот и хорошо. Значит скоро увидимся!

Алимбетов крепко, по-дружески, сжал протянутую руку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Веселый барак

Совсем неожиданно на Кешку обрушился жестокий удар. Лучший друг и первый почитатель Кешки, его незаменимый спутник во время хищнических налетов на золотой разрез—беззаботный Андрейка—уезжал с отцом в Читу. Андрейкиному отцу улыб-

нулось счастье: он нашел богатую жилу и за две недели намыл столько золота, сколько другому не удавалось заработать и в два года.

— Ну, сынок,—говорил он Андрейке,—довольно мы сидели в этой крысиной норе, да ковыряли землю... будя! Поедем домой, в Читу, заживем по-человечески.

Андрейку мало прельщала жизнь «по-человечески». Он так привык к прииску, к приисковым приятелям, к увлекательной и рискованной хищнической промывке золота, что с большой радостью остался бы здесь, в «крысиной норе». Что может быть интересного в громадной, пыльной Чите? Разве можно сравнить городскую жизнь с жизнью на прииске! Здесь простор, загадочная тайга, с ее дикими зарослями и неисчерпаемым богатством ягод, орехов зверья; здесь прозрачные, стремительные, как падение коршуна, и глубокие, как колодец, таежные потоки; здесь, наконец, золото, желанное золото, холодное и блестящее, как ночная звезда.

Но разве Андрейкин отец понимает всю прелесть таежной жизни!

— Собирайся сынок. Завтра на рассвете отправляемся в путь. Я уже сговорился с табором тунгусов. Они доведут нас до Яблонова хребта...

Утром Андрейка покинул «Пролетарку». Кешка провожал его верст за семь в тайгу. Они простились со слезами на глазах и, расставаясь, жалели, что ни тот, ни другой не знают грамоты и не могут поэтому обмениваться письмами.

— Кто знает,—кричал Кешка исчезавшему в зарослях Андрейке,—может быть, еще увидимся...

Кешка остался один...

Совсем один, даже Ксютка последовала примеру Прокопа и записалась в отряд Алимбетова.

Но теперь Кешка не возмущался. Он понял, что иначе и не могло быть. Ведь Алимбетов гораздо умнее его и умеет доставить ребятам больше развлечений и полезных занятий. Неудивительно, что они льнут к его отряду, как мухи к сахару.

Рано утром Кешка, как и прежде, выходил на промысел. С лотком под мышкой бродил в разрезе, бранился с жадными копачами, скрывался от конторских нарядчиков. Полоская в ручье наполненный песком лоток, лениво думал о золотниках, которые перепадут ему сегодня. Возможность найти большой, тяжелый самородок теперь мало трогала его. Он скучал. Без плаксивого Прокопа, молчаливой Ксютки и, особенно, без весельчака и надежного друга Андрейки промывка потеряла для него весь интерес. Какое веселье—шататься в одиночку по разрезу и валандаться в липкой глине и мокром песке. Он не бросал промывку лишь потому, что не знал другого занятия, а сидеть сложа руки—не по его характеру.

Вечером Кешка редко оставался дома. Скучно и душно сидеть в грязном бараке, когда на воле догорают последние теплые дни, и впереди предстоит суровая зима. Отец по вечерам, если были деньги, шел к Трофимычу, а если денег не было, сидел дома, брюзжал и придирался к сыну. Однако, после разговора с Алимбетовым не решался орудовать кулаками.

Когда Кешке надоело смотреть, как пляшут под гармошку пьяные копачи, он шел на восточную окраину прииска. Здесь, в чаще тронутого осенними холодами оранжевого кустарника приютился маленький барак, отданный трестом отряду пионеров. Здесь по вечерам было шумно и весело.

Кешка садился на груду свежих досок и под прикрытием кустарника наблюдал за веселым бараком.

Там ни минуты не сидели без дела. Часть ребят мастерила скамьи и столы. Бойко перекликались железные молоточки, звенели пилы, шуршали стружки вокруг рубанка. Для пионерского клуба требовалось немало мебели. А где взять ее, если денег у отряда почти нет? Не предаваясь грустным размышлениям, ребята сами взялись за рубанки и пилы, и вскоре владели ими не хуже заправских плотников.

Алимбетов с двумя помощниками занялся украшением барака. Часами они ползали около разложенных на полу ярко-красных лоскутов, малюя аккуратные буковки.

А на траве, у порога будущего клуба звучали новые, незнакомые Кешке мотивы. Группа ребят и девчат разучивали песни из привезенного Алимбетовым сборника. Эти песни были такие светлые и стремительные, что Кешка сам того не замечая, тихонько подпевал им.

Однажды на пороге клуба появилась худенькая фигурка Прокопа.

Кешка вскочил с досок и хотел исчезнуть. Поздно... Прокоп уже стоял лицом к лицу к ним. Оба смутились и с минуту оглядывали друг друга. Прокоп помнил угрозу Кешки и теперь боялся, что тот ее исполнит.

— Здравствуй, Кешка,—неуверенно сказал он.

— Здорово.

Прокоп сообразил: «если поздоровался, значит не будет драться»...

— Ну, я пойду, ждут,—громко сказал он и нагнулся к доскам, выбирая ровные и без сучков.

Отобрав четыре штуки, взял концы под мышку и потянул. Доски были тяжелые и не поддавались. Подхватил по-другому и потянул обеими руками. Опять неудача: доски выпали из общей груды и шумно посыпались на землю. Прокоп исподлобья вглянул на Кешку: «не смеется ли?». Нет. Кешка подошел к нему.

— Давай пособлю.

Беспомощная фигурка лежала на земле

Нагнулся и потянул одну доску, другую. Вдвоем быстро сложили их длинной, ровной пачкой.

— Ты берись за тот конец, а я за этот, и понесем,— сказал Кешка. Так и сделали.

Тяжело ступая и поддерживая обеими руками пружинившиеся доски, прошли мимо распевающих у порога ребят.

— Бросай!—крикнул Прокоп.

Доски с грохотом упали на пол. Кешка расправил спину и увидал перед собой Алимбетова.

— А, Кешка, здравствуй, наконец-то, заглянул! Рассказывай, как живешь.

— Помаленьку... доски, вот, помог нести... я пойду, домой надо.

Кешка повернулся и, стараясь не смотреть на обступивших его ребят, направился к двери. Алимбетов удержал его.

— Подожди, побудь полчасика с нами. Мы тебе клуб покажем. Здесь вот читальня будет, книжки разные положим; здесь сцена, спектакли ставить будем, сейчас готовим пьесу. Хочешь, тебе роль дадим?

Кешка с любопытством взглянул на сцену и вспомнил, как в приисковом клубе шел спектакль «На баррикадах» и Колька, сын смотрителя, стрелял на сцене из настоящего ружья. Кешка тогда сильно завидовал ему...

— А, скажи-ка, отец попрежнему дерется и в карты играет?

— Нет, драться перестал, а в карты играет.

— Так. А уговор наш помнишь?

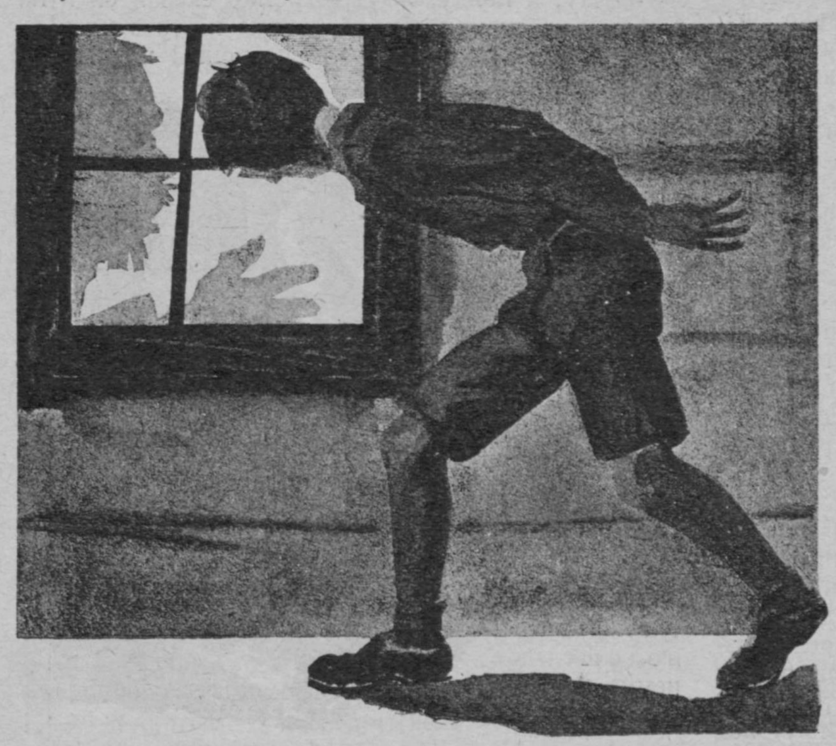
— Помню...

— Почему же не придешь и не скажешь? Если завтра он пойдет играть, так забеги ко мне.

— Ладно.

Кешка протиснулся к двери.

Из барака вышел быстро и поспешил исчезнуть в кустах от преследующих взглядов.

Алимбетов подошел к окну

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Притон на сопке

В сумерки Алимбетов спешил из общежития в пионерский клуб. Сегодня на отрядном сборе решено было ускорить работы по оборудованию клуба. Назначили день открытия—через неделю, в воскресенье.

Алимбетов свернул с дороги на тропу. Впереди, сквозь кустарник и деревья, мигали огоньки, доносились веселые голоса и смех ребят.

В кустарнике послышался шорох.

— Товарищ Алимбетов...

— Кто тут?

Остановился и заглянул в темную гущу кустарника. Снова послышался шорох, и на тропе, рядом с ним выросла фигура Кешки.

— А, это ты, в чем дело?

— Пойдем... помнишь уговор? Отец к Трофимычу ушел.

— Ага! Ладно. Молодец, что не забыл.

Алимбетов повернулся и без лишних слов пошел за Кешкой. Когда выбрались на дорогу, Кешка спросил:

— Что же мы будем делать?

— А вот что: беги в горную охрану, расскажи все, и вместе с ними спеши к бараку Трофимыча, а я пойду вперед.

Кешка, точно пришпоренный, сорвался с места и побежал.

Безлунный осенний вечер овладел прииском. Из лощин и оврагов, как вражьи полчища на приступ, ползли к подножьям сопок тяжелые, холодные волны тумана.

В лесу, куда привела Алимбетова узкая тропа, было сыро и тихо, как в заброшенной шахте. Кривые пни и осколки разбитых бурей деревьев причудливо рисовались в темноте. Под ногами чмокала пропитанная осенней влагой земля. Сверху, с вяло поникших ветвей падали крупные, скользкие капли осевшего тумана. Тропинка привела Алимбетова прямо к постоялому, единственное окно которого сияло тускло и мертво, как светящийся жучок в траве.

Стараясь не чмокать ногами и не задевать торчащие из земли корни, Алимбетов подошел к окну. Оно было затянуто мутной, промасленной бумагой. Алимбетов прислушался. В бараке разговаривали громко, не подозревая о непрошенном госте.

Алимбетов ощупал края промасленной бумаги и нашел внизу, у самого подоконника не плотно закрепленное место. Ногтем указательного пальца надавил бумагу. Она подалась. Медленно отогнул уголок и нагнулся у образовавшейся щели. Разглядел часть стола, несколько игральных карт, смятые кредитки и весы с золотым песком на чашечке. Выше смутно рисовались в табачном дыме лица игроков.

— Трофимыч, дай водицы испить!— послышалось внутри.

Вслед за этим дверь барака открылась и в полосу света вышел высокий, бритый человек, в рубахе на выпуск, с расстегнутым воротом. За ним скользнул другой, маленький в плотно застегнутом пиджаке.

Алимбетов припал к земле и застыл, как кошка перед мышиной норой.

Высокий плотно прикрыл за собой дверь и сделал несколько шагов по направлению к окну. Юркий последовал за ним. Оба остановились недалеко от Алимбетова, у бочки с водой. Лязгнуло ведро, вода плеснула через край и несколько капель упало Алимбетову на голову.

— Слушай, Клим,—шопотом сказал высокий,— я думаю на сегодня хватит, можно кончать игру. Ведь ни у кого из них золота не осталось.

— Подожди,—тоже шопотом ответил юркий,— у двоих еще есть. Не торопись.

«Это его братец, — подумал Алимбетов, — алчный паренек!..»

— Ну, хорошо,—согласился высокий.—Только работай чисто... Ты куда лишние карты девал?

— В рукав и в подкладку пиджака.

— Дурак! Я тебе тысячу раз говорил: не оставляй их у себя! Хочешь засыпаться? Клади под крышку стола.

— Ладно, не шуми... Буду под крышку класть.

Высокий подхватил ведро и пошел к двери. Юркий, что-то нашептывая, семенил за ним. Мелькнула полоса света, скрипнули ржавые петли. Слышно было, как внутри заперли дверь на засов.

Позади Алимбетова сухо щелкнул сучек. Кто-то осторожно шел к бараку.

«Должно быть, Кешка с горной охраной, — подумал Алимбетов,—пора бы им...»

Из-за деревьев вышло сразу несколько человек с винтовками в руках.

«Они», — уверенно подумал Алимбетов и вышел навстречу.

Он не ошибся.

— Ну, как?—спросил Кешка, появляясь из-за куста.

— Играют.

— А мы спешили, почти всю дорогу бегом... и председатель совета с нами.

Председатель горно-поселкового совета, широкоскулый, саженного роста якут, хлопотал вокруг барака, бесшумно размещая к дверям и к окну стражников горной охраны.

Алимбетов остановил его за рукав толстой, солдатского сукна куртки и передал ему разговор Трофимыча с братом.

— Шулеры, значит,—сказал председатель, когда Алимбетов замолчал,—ну, теперь задача вдвое легче.

Стражники постучали в дверь.

Из барака не ответили. Там поднялась возня, шелестели рассовываемые по карманам карты и кредитки, звенело рассыпанное серебро. Шумно разбились опрокинутые кем-то бутылки.

— Ждать не приходится,—проворчал председатель, подскакивая к окну. Быстрым движением руки сорвал промасленную бумагу и прыгнул в барак.

— Оставайтесь все по местам!—громко приказал он, кто хозяин? Ты? Открой дверь.

Игроки

Трофимыч неохотно задвигался.

— Живей!

В открытую дверь вошли стражники.

Игроки сгруппировались у задней стены, где темнел двойной ряд пыльных нар, заваленных разными лохмотьями. Посреди барака стояли сдвинутые столы, на которых в беспорядке валялись мелкие деньги, гирьки от весов и карты.

— Вы, граждане, не волнуйтесь,—сказал председатель игрокам,—вам ничего не будет и деньги ваши останутся у вас. За все отвечают хозяева. Где они? Подойдите сюда.

Трофимыч и его брат Клим выступили на середину.

— Обыщите этого,—сказал председатель стражникам, указывая на Трофимыча.

Клима обыскал сам председатель. Он ощупал его пиджак, и вытащил из рукава карту—шестерку треф.

— Вот как вашего брата очищают!—крикнул он игрокам, держа шестерку выше головы.

У задней стены задвигались, кто-то изумленно ругнулся, кто-то показал Климу крепко сжатые кулаки.

— Дурак...—прошипел Трофимыч, злобно поглядывая на брата.

— И ты не умнее его,—усмехнулся председатель,—ну-ка, пощупайте под крышкой стола.

Десятком рук быстро обшарили стол и в том месте, где сидел Трофимыч, нашли под крышкой несколько карт.

Трофимыч побледнел, отступил ближе к стражникам. Игроки раздраженно жестикулировали и кричали:

— Чего с ними няньчиться! Эй, товарищ председатель, отдай их нам, мы их своим судом отделаем...

— Бей их, ребята! Даром что ли свои кровные отдавали...

— Тише!—крикнул председатель и приказал стражникам окружить испуганных братьев.

— Тише!—повторил он,—с ними поступят по закону, а деньги ваши все до копеечки будут возвращены. Успокойтесь и расходитесь.

Ругаясь и грозя шулерам расправой, игроки покинули барак.

Кешка и Алимбетов распрощались с председателем и пошли домой. К ним присоединился отец Кешки. Когда он узнал, что шулеров разоблачили ребята, он долго и восторженно хвалил их, встряхивал руку Алимбетову и хлопал по плечу сына.

— Ведь я им все золото, которое добыл за этот год, все до последней крошки отдал! А за что? Эх, знать бы такое дело раньше, своими руками обоих бы на кусочки расщепал!..

— И угодил бы за решетку,—смеясь, подхватил Кешка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Двадцать шесть и один

В ночь под субботу над прииском закружились первые хрупкие, как лепестки цвета яблони, снежинки. Держался легкий мороз. Снег непрерывно шел целые сутки и перестал только в воскресенье под утро.

Прииск похорошел и повеселел. Под слоем пушистого снега исчезли грязные дороги и проулки; плоские крыши бараков закутались в белые заячьи шапки. Даже разрез, всегда серый, забрызганный жидкой глиной и пахнущий гнилостными испарениями, теперь празднично принарядился.

В полдень клуб наполнился приискателями, приглашенными на открытие. Собралась почти вся молодежь «Пролетарки» и немало взрослых. Кто пришел раньше, успел захватить место на скамье, остальные толпились в проходах, у задней стены и в дверях.

— Пожалуй, можно начинать,—сказал Алимбетов, проталкиваясь на сцену.

Отдернули занавес, и глазам умолкнувшей публики предстал накрытый красным стол, портрет Ильича и две низко опущенных лампы.

Выступил с приветствием Стрычак. Он поздравил молодежь с новым клубом, обещал возможную поддержку от профсоюза. Ему долго и шумно аплодировали. Затем появился Алимбетов и кратко сказал о достижениях отряда за три месяца существования.

— Наш отряд,—говорил он,—пополняется новыми и новыми ребятами. Сейчас у нас двадцать шесть пионеров... вернее, двадцать шесть и один,—только что получено заявление. Я думаю, мы теперь же обсудим его. Пусть подавший заявление выйдет сюда и сам скажет, почему он идет к нам.

В публике задвигались, завертели головами, отыскивая двадцать седьмого пионера. А пока ребята перешептывались и переглядывались, на сцену незаметно пробрался Кешка и встал рядом с Алимбетовым.

— Кешка!—в один голос крикнули Прокоп и Ксютка. Они меньше всего ожидали, чтобы он мог подать заявление. Ведь, если судить по его поступкам и словам, он был самым ярым противником пионеров.

Алимбетов поднял руку и попросил прекратить шум. В зале затихли, и он сказал Кешке:

— Говори.

Тот пробежал взглядом ряды раскрасневшихся лиц. Ему еще никогда не приходилось говорить перед такой громадной толпой.

— Я скажу...—еле слышно произнес он,—я скажу, почему хочу быть пионером. Хочу научиться грамоте... хочу быть с ребятами, а не один. Одному скучно... а золото—это пустяки, от него одна лишь порча... вот и все.

— Верно! Правильно, Кешка! Качать его!—загрохотало кругом.

Когда Кешка шел после торжества домой, его окликнули.

— На твое имя письмо пришло.

С большим, мелко исписанным и окруженным марками и печатями конвертом, Кешка побежал к Алимбетову.

— Письмо? Давай прочитаю.

«Здравствуй, дорогой друг Кешка!—читал он.—Я и отец вот уже месяц живем в Чите. Отец каждый день пьянствует и шатается по трактирам, а я записался в пионеры и теперь учусь грамоте. Вчера отец сказал мне, что пропил последнее из того, что заработал на прииске. И еще сказал, чтобы я собирался в путь, через два дня снова едем на «Пролетарку». Это я тебе с радостью и сообщаю. Ну, пока до свидания, крепко жму твою руку. Сейчас будет сбор нашего звена «Таежников», будем обсуждать задание на эту неделю. Спешу. Твой друг Андрейка

Подпись Андрейки собственноручная, а письмо с удовольствием написал пионер С. Кольцов».

КОЛЬКА

Рассказ пионера В. КОЛОСОВА
Рисунки художника МАГО

Было раннее утро. Хотя солнце еще не всходило, но деревня уже оживилась. Петухи громко перекликались, скрипели ворота, мычали коровы, блеяли овцы. Колька, услышав крик своего петуха, вспомнил, что он собирался ловить рыбу. «Не опоздать бы!»—мелькнуло в его голове, и он быстро стал одеваться. Наскоро надел рваный полушубок, надвинул рваный отцовский картуз, взял мешочек с раками, вынул из-под печки удочки, не забыл взять ведерко для ловли различных животных в свой аквариум и тихонько выскользнул из дома. На дворе он почувствовал себя свободнее. Теперь уже никто не мог удержать его, и вдохнув несколько раз легкий, холодный, утренний воздух, он быстро пошел на реку.

— Ты не всю рыбу-то лови, оставь и нам!—раздалось сзади Кольки.

Он оглянулся и увидел заспанное лицо Петьки, глядевшего из окна.

— А твоя какая?—шутливо, в свою очередь, сказал Колька.

— Да с красными перьями!—ответил, смеясь, Петька.

— Ты где же думаешь удить-то?—опять заговорил Петька, который, повидимому, хотел рассказать что-то про своего дядю—старого рыбака. Колька подошел к нему.

— Да на мосту поужу, а если не будет там ловиться, то посижу там, где я окуня поймал.

— А вот я знаю, где самая рыба-то живет!—сказал Петька и, наполовину высунувшись из окна, начал свой рассказ.

— Водил я вчера гнедого в лес и вижу, сидит, это, кто-то на берегу с удочками, да так рыбу-то выхватывает и выхватывает. Ударил я гнедого, отвел его живо на поляну, да к тому рыбаку бегом, чтобы посмотреть, кто это рыбу так выхватывает. Подхожу, гляжу, а это дядя Федька. Я осмелел, подошел и хотел было спросить о лове, а он на меня таким зверем поглядел, что я сразу притих и понял, что рыба здорово ловится. Сижу, жду. Вот на одну удочку дернуло слегка... Дядя Федька подкрался к удильнику и ждет.

Немного погодя, еще дернуло, а потом и потащило поплавок в воду.

Дядя вытащил удильник, и когда поплавок весь ушел, он дернул вверх и потащил. Удильник в дугу согнулся, а рыба, как корова, не выплывает, а он все тянет. Вот подалась немного, и вышел наверх здоровый сом, а потом как пойдет в кусты! Дядя тянет к себе, а сом к себе. Так мучился-мучился с ним, наконец, сом устал и лег на воду вверх животом. Подтащил его он, схватил за зебры [1], да как вытащит на берег. Как сом заворочался и давай по берегу прыгать! «Садись на него скорее верхом!»—кричит мне дядя. Прыгнул я на него, а он, как хороший мерин, начал возить меня по берегу. Убил дядька его. После этого Федька таких двух сомов поймал. Я-то уже не дожидался, темно стало, побоялся, отец поругает. Вот, Колька, кабы тебе таких поймать!—в заключение своего рассказа сказал Петька.

В продолжении всего рассказа Колька даже глазом не моргнул. Когда кончил Петька свой рассказ, Колька почесал затылок и недоверчиво посмотрел на Петьку, как будто подумал: «Не скажет ведь, чорт, мне про то место» и неуверенно спросил:

— Петька, скажи мне, где дядя сомов-то ловил?

Петька подумал немного, потом поломался, но, наконец, согласился. Сначала оглянулся кругом, потом рукой молча подозвал к себе Кольку и, чтобы никто не услыхал, шопотом начал:

— Как подойдешь к мосту, поворачивай налево и прямо по берегу иди; потом свернешь на дорогу и иди по ней. Она тебя сама к круче подведет.

Колька хотел было еще что-то спросить, но случайно посмотрев на восток, остановился на полуслове и бегом побежал на реку. Вдруг Петька, вспомнив что-то, заорал из всех сил:

— Колька! Колька!

— Чего там тебе?—услышал он в ответ.

— Подойди-ка ты ко мне.

Колька неохотно воротился к нему и спросил:

— Ну что?

— Ты как пойдешь с реки, зайди и в Степанское озеро, набери там пиявок, жучков и еще чего-нибудь, что попадется, а то ведь у нас из озера еще совсем нет ничего.

— Ладно!—крикнул Колька и побежал на реку. Бежал он что есть духу и при этом все время думал, как он и Петька принесут в школу все то, что они так тщательно прячут от отца и за чем так внимательно ухаживают каждый день. Он думал, как учитель, увидав его работу, удивится вначале его старанию: ведь он говорил, что хорошо было бы, если бы хоть завели грядку с огородными расте-

ниями, а они теперь устроили кроме этого и аквариум. Он представлял себе, как учитель будет показывать всему классу его рыбок, жучков, пиявок и засушенные растения. Думал о том, как обрадуется семья, когда увидит, какого сома принесет он. И тогда уже отец, непременно, будет пускать его на реку, тогда уж можно будет целую сотню речных и озерных тварей набрать в свой аквариум.

Колька представлял себе, как он будет тащить сома через улицу и как будут приставать к нему ребята с расспросами о том, как он поймал сома и где поймал. При этих мыслях на лице Кольки расплылась широкая улыбка. Но вот страшная мысль мелькнула в его голове: «А что, если сидит кто-нибудь на этом месте? Тогда ведь и не поймаешь ничего, тогда отец и на реку не будет пускать, и живой уголок тогда погибнет». От этой мысли холодный пот выступил у него на голове, и он, собрав все свои последние силы, пустился к круче, и босые ноги громко зашлепали по мягкой, илистой дороге. Вот уж он пробежал мост, пробежал Степанское озеро и помчался к дорогому месту лова. Вот уж он и добежал до него. Тихо подошел к круче, выбрал удобное место, положил ведерко, забросил удочки и, отойдя на сажень, сел на невысоком полусгнившем пне.

Первое время Колька не хотел ничего ни слышать и ни видеть, а только внимательно глядел на поплавки. Так он сидел довольно долго. Но поплавки были все время неподвижны, и ему надоело сидеть. Он осмотрел удочки, переменил на них раков. Но вот он заметил одного рака с икрой, тут он вспомнил наказ Петьки, бережно положил в ведерко и налил в него воды. Засучив штаны, стал лазить по тростнику и набирать различных животных для аквариума. Вскоре он вышел из терпения. Вытащил одну удочку, потом снова ее закинул и стал вытаскивать с таким видом, как будто тянет огромную рыбу. Смотав удочки, он ударил раз двадцать по воде, набросал коряг, земли в воду и сердитый не только на рыбу, но и на весь свет, отправился домой. Особенно было страшно ему, что отец больше не пустит на реку.

Тогда он решил набрать из озера различных животных и растений. В мутной озерной воде он увидал множество резвившихся жучков. Там был и жук-плавунец, который гонялся за маленькими животными, были и еще какие-то, которых еще и не видал Колька. Ползали пиявки, проплывали рыбки, блестя серебристой чешуей.

Колька так занялся ловлей, что провозился, не замечая, около часа. Набрав полное ведерко, он подобрал удочки и быстро пошел домой.

Некоторое время после ухода Кольки в доме царил мирный сон. Только мерный храп Прокофия да стрекотанье сверчка раздавались по дому. Но вот послышались какие-то неясные звуки, не то рычание цепного пса, не то мычание охрипшей коровы. Это во сне закричал Колькин отец—Прокофий. Затем раздался скрип рассохшейся самодельной кровати, и из-под вотолы показалась косматая голова Прокофия. Он поднялся, сел на кровать, почесался и разбудил жену—Прасковью. Оглядев весь дом мутными заспанными глазами, начиная с сундука и кончая печкой, громко выругался:

— Ну, что за мальчишка такой растет! Делов полно, а он, чорт, опять удить ушел. Эх, и задам же я ему нынче тряску! Все удочки об него обломаю!

Прокофий долго еще ворчал на Кольку. Наконец, одевшись, он стал собираться в поле; дал лошади овса, подмазал телегу, положил на нее соху и борону и сердито спросил:

— Скоро что ль завтракать-то?

— Иди ешь,—послышалось из дома. Прокофий с жадностью принялся есть блины. После еды он стал запрягать лошадь. Прасковья поставила горшок молока в телегу и мешок с хлебом. Запрягши лошадь, Прокофий вышел за ворота и злобно выругался:

— Вот щенок, все еще не идет!

Подошел к лошади, взял вожжи и крикнул:

— Ну трогай, чорт! Застыла, нечистая сила!

Только было он поехал, как услыхал голос Прасковьи:

— Прокофий! Прокофий!

— Что там еще стряслось? — проворчал он.

— Пришел Колька-то,— раздалось снова со двора.

Прокофий остановил лошадь, вошел во двор и увидал мокрого и грязного Кольку.

— Ты где же это шатался?—закричал он, приближаясь к нему.— Народ уж в поле давно уехал, а ты шатаешься, чорт паршивый!

— Я рыбу ловил на реке, — чуть слышным голосом проговорил Колька.

Отец подошел к нему и схватил у него ве-

Колька забросил удочки и сел на пень

дерко. Колька, обхватив обеими руками свое сокровище, закричал:

— Не трогай их, это я для живого уголка, учитель велел!

Отец взглянул в ведерко и, увидав там болотных животных и растений, еще больше разгневался и злобно отбросил ведерко в сторону. Потом, выхватив прут, начал бить им Кольку. Не знаю, что бы сделалось с Колькой, если бы за него в это время не вступилась мать. Услыхав неистовый крик сына, она выбежала из дома и увидала, как отец порет Кольку огромным прутом, подбежала к нему и закричала:

— Что ты делаешь-то? Белены что ль об'елся, старый хрыч?

Прокофий бросил бить его, но все еще продолжал ругаться.

— Мало ему! Его надо дубинкой хорошей по башке его безмозглой! Отец работает до поту, а он по озерам лазит, да букашков разных ловит! Ишь ведь ты, грит, учитель ему велел! Учитель учи только зимой, а летом ребят не отбивай!

Потом он крикнул Кольке:

— Собирайсь живей!

Мать тем временем повела всхлипывавшего Кольку в избу.

— Ишь как настращал мальчонку-то, смотри весь дрожит, как в лихоманке,—говорила она, гладя Кольку по голове.

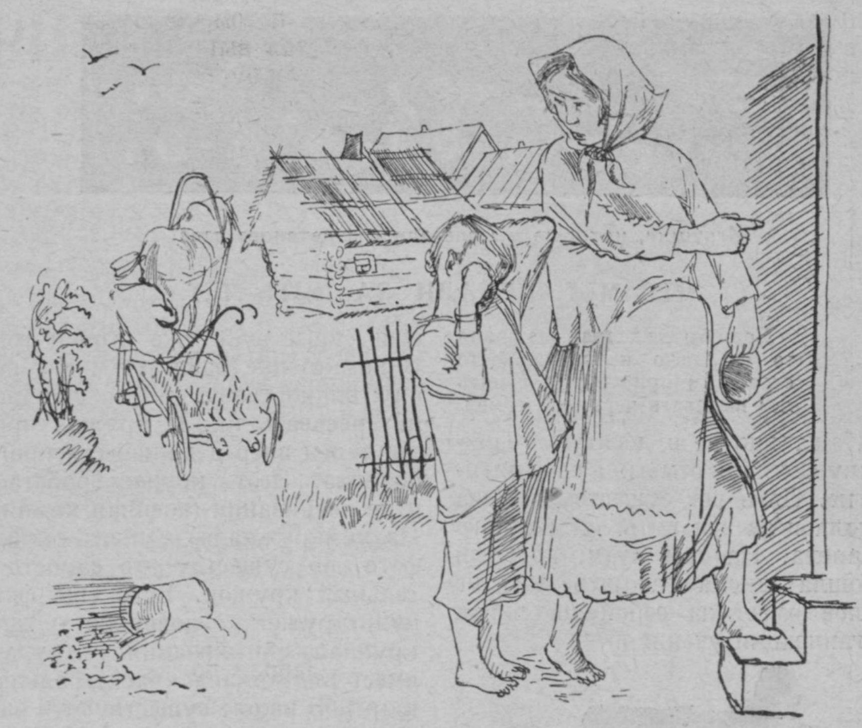
— Погоди малость,—показала она на скамью,—а я тебе позавтракать подам.

Колька сел было, но тут же вскочил, как ужаленный, и быстро зашагал из дома:

— Куда же ты, родимый? Я завтрак на стол ставлю,—проговорила мать.

Но он, как будто не слыхав слов матери, вышел на двор и принялся собирать выплеснутых отцом из ведерка озерных животных. Он собрал их, боязливо оглядел двор, быстро полез на чердак. В одном из углов чердака помещался живой уголок Кольки. Там стояла стеклянная четверть без горлышка, разбитый горшок и ящик с лягушкой. Из горшка он бережно вытащил рыбок и поместил их в четверть с головастиками, а в горшок положил озерных животных. Хотел было еще чего-то сделать, но, услышав голос матери, слез и пошел в избу.

— Ты где же это был-то?—сказала мать.

Мать повела всхлипывающего Кольку в избу

Колька ничего не ответил и принялся есть. Наскоро закусив уже остывших блинов с молоком, он, грязный, избитый, побежал догонять отца.

Целый день Петька дожидался своего друга Кольку. Наконец, поздно вечером, сидя на заваленке своего дома, он увидал под'езжавшего Кольку. Петька быстро подбежал к его дому, отворил ворота, и телега шумно покатилась на двор. На середине двора Прокофий остановил лошадь и сказал:

— Распрягай, а я пойду скотине корма дам.

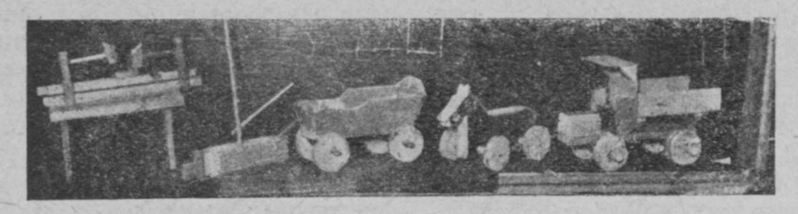
Петька стал помогать Кольке. Вскоре уже все было сделано и друзья были в своем уголке. Петька принялся менять воду в аквариуме, а Колька, достав из кармана украденный у отца клочек измятой бумаги, пыхтя, написал замусоленным карандашом:

«Озерные животные. Набрал Миколай Прокофьич Фролов»—и прикрепил ее к горшку. Затем переписал на висевшем тут же клочке бумажки озерных животных, записал число, в которое он их поймал, и, облегченно вздохнув, проговорил про себя:

— Ну, готово.

После этого они с Петькой, осторожно озираясь, слезли с чердака. На дворе они разошлись. Колька отправился домой ужинать, а Петька пошел домой. После ужина Колька было отправился к Петьке поговорить о живом уголке, но отец крикнул: «Куда? Опять вешаться? Ложись спать!» Колька лег, но никак не мог уснуть. Пиявки, рыбки, лягушки так и рисовались в его голове. Но, наконец, постепенно забываясь, Колька уснул тихим и спокойным сном. Сверчок затянул свою заунывную песню. Бледный месяц выглянул из-за леса и посмотрел на спящую деревню. Как и во все дома, месяц заглянул в окно Колькиного дома. На минуту остановился на спящем улыбающемся лице Кольки и скрылся за облака.

ЧЕМ МЫ ПОМО

Игрушки, которые мы сделали для детского сада

ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ

Если бы мы делали все время то же, что и вначале, то старостам пришлось бы пять лет выдавать чернила и мел.

Наша школа в десятую годовщину Октября отметила свое пятилетие. Пять лет существует наша школа и за эти пять лет намного выросла. На том пути, который прошла школа за пять лет, не малое имеет за собой школьная организация учеников.

Наша переплетная мастерская

Помнятся первые робкие шаги нашей организации, когда не знали, с чего начать, за что взяться. С улыбкой вспоминаешь, что раньше были вместо класскомов «старосты», которые кроме того, что отмечали опаздывающих и неприсутствующих учеников, выдавали чернила и мел, ничего не делали, да и не могли делать.

Теперь не то. Сами ребята сейчас строят и укрепляют школу.

Факты

В школе есть довольно-таки большая библиотека (4.000 книг). Библиотека полностью обслуживается школьной переплетной мастерской. В переплетной мастерской работают, конечно, сами ребята. Есть в школе и столярная мастерская, в которой ребята ремонтируют школьный инвентарь и обслуживают игрушками детский сад № 14 НКПС. Швейная мастерская, так же как и столярная, обслуживает тот же детский сад.

В школе работают кружки. Естхимичеський кружок, который существует уже второй год. В химкружке работает много ребят; видно сразу, что он смог заинтересовать их. И кружок продвинулся вперед до качественного анализа. Этот кружок работает и по военизации (военная химия). Из химкружка выделилась секция фото, по существу это самостоятельный кружок. Есть еще физкультkружок, довольно - таки крупная организация. Кружок имеет ряд команд (баскетбольная и др.). В школе существуют и еще кружки, юннатов и др. Нам помогают педагоги. Уже одно то, что руководят кружками преподаватели, к комиссиям прикреплены преподаватели и каждая группа имеет своего групповода-преподавателя, говорит о том, что связь с учителями хорошая.

Группы помощи

Учебная комиссия организует «группы помощи», как они у нас называются. Эти группы составлены из отстающих учеников, с которыми занимаются сильные ученики и преподаватели. В прошлом году эти группы оказали большую помощь отстающим ученикам. Культпросветкомиссия организует коллективные посещения театров, организует вечера самодеятельности и сейчас совместно с форпостом предполагает провести несколько сеансов кино-передвижки.

Мы научились хорошо делать собачек, кошек, кроликов для ребят нашего детского сада

Электрифицированная сцена

Еще факт, говорящий об активности ребят. К десятилетию октября в школе на спектакль и на все материалы для сцены и постановки (картон для декорации, электро-материалы, краски, грим и т. п.) нам отпустили очень мало средств (около сорока рублей). Монтер составил смету на 29 руб. Конечно, на такую смету школа не могла пойти, и нам отпустили только 10 рублей. Желание иметь «электрифицированную» сцену побороло все, и группа ребят сделала и за десять рублей.

Это мы делаем у себя в школе

Свет на сцене был, да еще в рампе три лампочки, да еще прожектор.

Школьная организация выросла и активно помогает строить школу и уж пресловутого «старосту» оставили далеко позади. За пять лет мы выросли.

Школа НКПС Деткор **К. Клаус**

ГАЕМ НАШЕЙ ШКОЛЕ

Капуста, из которой мы сделали бумагу

Бумага и краски из капусты и брюквы

Прошлое лето Сорм-Варьинский отряд юных пионеров имени Буденного взял участок земли от Сорм-Варьинской школы 4-летки и посадили турнепс, капусту и брюкву. Осенью продали это и получили 90 копеек, а на эти деньги купили бумаги, краски и вообще все, что нужно отряду для стенной газеты и для пионеров. Стенгазеты выходят ничего и крестьяне с удовольствием их читают.

Деткор **Терентьев, Александр**

Брюква с нашего огорода

Как наши большие ребята помогают маленьким

У нас в школе в большую перемену пьют кофе. Наши маленькие дети из 1-й группы не умеют заваривать его и кипятить, не умеют разливать, чтобы всем хватило поровну, и им трудно мыть посуду. Из 3-й группы нашей школы ребята в эту перемену ходят в 1-ю группу и все, что надо, помогают им делать.

Это выходит очень хорошо и весело!

Учком Лосиноостровской 1-й школы

На что годится исписанная бумага

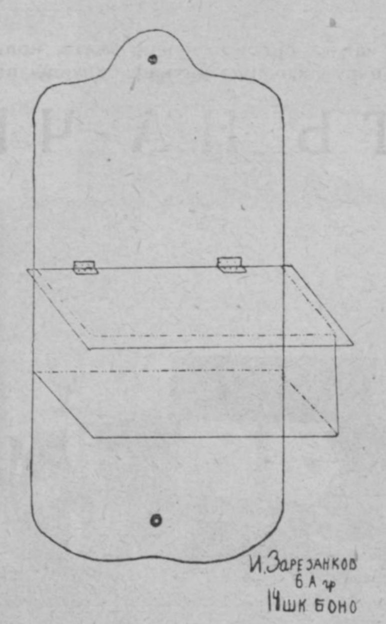
У нас в Лосиноостровске есть ветеринарный пункт. Там нехватает бумаги для завертывания лекарств для животных. Дают лекарство в газетную бумагу, и лекарство рассыпается, потому что газета очень рвется. Мы решили собирать по всей школе ненужную бумагу и по субботам носить в ветпункт.

Учком Лосиноостровской 1-й школы

Как мы приучаем к работе в учкоме наших маленьких детей

Наши маленькие ребята из 1-й группы еще не умеют работать в учкоме, они не понимают, что надо там делать. Мы их пока не берем в учком, но после учкома наш секретарь берет протокол и идет в 1-ю группу. Там он читает его и все об'ясняет ребятам. Что непонятно, они его спрашивают.

Учком Лосиноостровской 1-й школы

Чертеж, по которому мы сделали ящик для мела

КУДА МЫ КЛАДЕМ МЕЛ

Когда к нам приходили учителя на урок, у нас никогда не было мела, а если был, то очень большим куском, так что в руке не удержишь. Учитель должен мел разламывать, тратить время. Кроме того, около доски всегда валялись крошки мела, этот мел растаскивался по всему классу — получалась грязь. Но в этом году мы решили сделать ящик для мела. Предложили ребятам начертить чертеж ящика. Через несколько дней ребята принесли модель.—самую удобную и хорошую мы и выбрали для мела. И с тех пор у нас в классе всегда есть мел и чисто около доски. Если кто хочет у себя в классе соблюдать чистоту, тот класс пускай устроит себе ящик для мела. Советуем всем устроить такие же ящики.

Деткор **В. Денисова**

44 школа БОНО

Наше изобретение—ящик для мела

Интересная штука граната, перед тем как ее бросить нужно снять кольцо. Только, если снимешь кольцо, не оставляй в руках, через четыре секунды взорвется

БЫТЬ НА-ЧЕКУ

В. ФЕДОСЕЕВ

Завтра, может, в эту пору
Враг откроет хищный рот.
Глаз наш зорок, сух наш порох—
Эй, товарищи, вперёд!

Из красноармейской песни)

«В тяжелые времена для Советской страны, в момент военной опасности, пионеры, будьте готовы!

Каждый пионер, будь готов:

Быть дисциплинированным, точным, исполнительным, выполнять все задания, которые поручают тебе. Быть первым в трудовой работе в городе и деревне. Внимательно читать газеты и журналы. Зорко следить за всеми действиями наших врагов, за их попытками обрушиться войной на Советский Союз. Знать строй, топографию, сигнализацию, участвовать в стрелковых кружках и т. п.».

Так писало Центральное Бюро пионеров всем детям трудящихся в своем наказе в тревожные

У винтовки хороший упор; целься верней, под черное яблоко, что бы дробинка засела в нем

июньские дни. Тов. Войков, наш представитель в Польше, был убит врагами Советского Союза. Англия порвала всякие сношения с Советской страной. С минуты на минуту могла произойти катастрофа—вспыхнуть классовая, жестокая война.

Страна была напряжена до крайности. Каждый рабочий, каждый крестьянин зорко оглядывался по сторонам.

Этот наказ нельзя забывать и сейчас. Он определяет наш путь и нашу работу в ближайшие дни и годы. Ибо кто может сказать, когда мы вынуждены будем грудью столкнуться с врагом. И тогда поздно будет думать о подготовке.

Можем ли мы дать себя перещеголять нашим врагам—фашистам и бой-скаутам. А они не только занимаются тем, что носят широкополые шляпы, да посохи и увешивают грудь разно-

цветными значками и лентами. Они серьезно готовятся к будущей схватке, они являются надежной опорой капиталистов. Вот пример. Когда в 1914 г. Англия об'явила войну Германии, то уже через 2 часа все бой-скауты страны были в работе: охраняли мосты, перевозили депеши, работали на телеграфе. Вот образец того, как нужно быть готовым, вот образец дисциплинированности и организованности. Дети трудящихся должны быть еще более дисциплинированы, еще более организованы.

В отрядах и звеньях, в школах и детских домах, всюду мы должны помнить об этом и вести подготовку. А сделать можно многое. Прежде всего придется подтянуть отряд. Точность в работе, четкость выполнения заданий—лучшее качество бойца. И этого у нас мало. Расхлябанность видна в каждой мелочи. Нужно сделать так, чтобы можно было в любую минуту собрать отряд для выполнения какого-либо задания. Отрядная цепочка сможет выполнить это очень скоро.

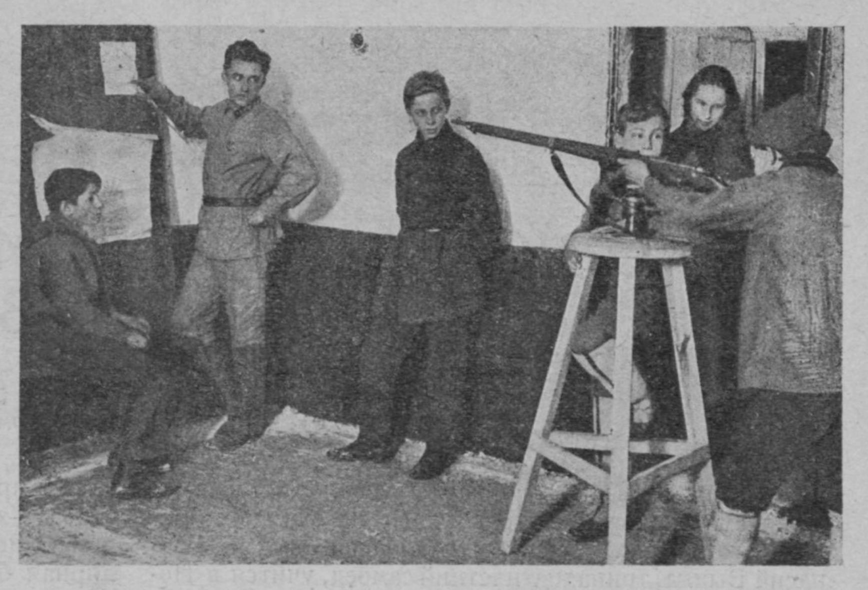
Старшие ребята могут в совершенстве изучить стрелковое дело и стать отличными стрелками. Отрядные или школьные конкурсы на лучшего стрелка поднимут интерес к этой работе.

Санитарами могут быть и должны быть все. Знать перевязки, знать, как остановить кровотечения, какие меры принять против ожогов и т. п. и не только знать, но и уметь применить свои знания на деле.

Занятия сигнализацией Морзе и семафором дадут новую армию связистов. Кроме того, сигнализация вырабатывает ряд ценных качеств, и с ее помощью можно проводить очень сложные военные игры и походы химзащиты и нападения, различные опыты, беседы о химической войне и т. д.; знакомство с противогазами и др. средствами,—все это очень увлекательно.

Игры также нужно использовать в нашей работе по военизации. И в помещении, и на улице, и на лыжах мы можем провести интересные военные игры. Взять, например, тактические игры на ящике с песком или «погоню за лисичкой», где придется не только показать свое умение ходить на лыжах, свою выносливость, но и искусство разведки и маскировки. И, наконец, не последнее место должны занять беседы. В отрядах вся работа распределяется по звеньям, в школах организуются кружки Осоавиахима на добровольных началах. Руководителями могут быть подшефные красноармейцы и командиры или представители Осоавиахима. Работа по военизации выработает в нас все качества хороших бойцов. А кто знает, когда вспыхнет война?

Порох нужно держать сухим!

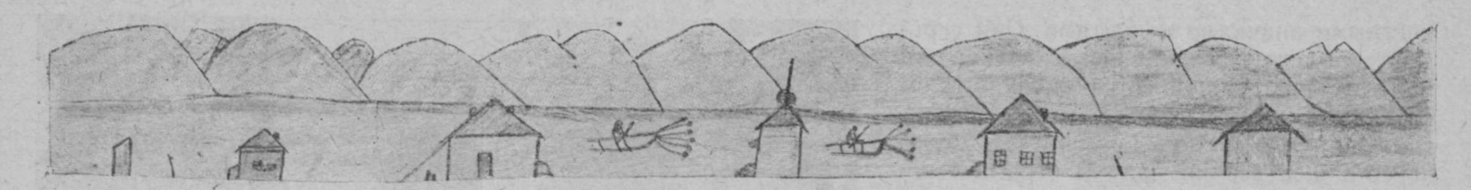
Прицелься два раза в одно и то же место со станка, а мы проверим, как работают твои глаза

Мнимый раненый

Носом противогазной маски протирай стекла противогаза, когда они запотеют

О НОВОЗЕМЕЛЬСКОМ ШКОЛЬНИКЕ АФАНАСИИ ВЫЛКЕ

Очерк Н. ЛЕОНОВА

Рисунки самоедов-школьников

Афанасию Вылке—тринадцать лет. Живет он на большом скалистом острове посреди сурового Ледовитого океана. Остров зовут—Новой Землей. Афанасий Вылка, тринадцатилетний самоед, учится в Новоземельской школе.

Способный мальчуган—самый грамотный самоед на всей Новой Земле. Он уже четвертый год учится в школе и очень приохотился к книге. В книгах написано много интересного. Из книг о многом можно узнать. Кроме рассказов, в книгах есть не мало рисунков.

О деревьях

Рассматривает Афанасий книги с картинками и многое в них кажется ему непонятным. Смотрит Афанасий картинку и видит: нарисованы камни, речка, на камнях трава стелется, а над травой стоймя стоят толстые бревна, обросшие зелеными листьями. Под картинкой написано—«дубовая роща». Афанасий с трудом может себе представить деревья.

— Отец, — спрашивает Афанасий,—ты видал деревья?

— Видал, — отвечает Афанасию его отец—Илья Вылка, первый самоед-художник, два раза приезжавший на материк.

— Расскажи о деревьях,—просит мальчик.

— В первый раз, когда я увидел деревья,—вспоминает отец Афанасия,—я подумал, что это бревна, воткнутые в землю, обмотаны травой. Земля на материке мне казалась лохматой...

Езда на собаках

— В книгах написано,—говорит Афанасий,—что у нас на севере слишком холодно. Оттого и деревья здесь не могут расти.

Афанасий перевернул несколько страниц и увидал картинку, на которой было нарисовано кудрявое дерево с белым стволом. Под деревом стоял бородатый мужик, но дерево было в пять раз выше бородача. Афанасий прочел надпись—«береза» и еще более удивился.

Он прекрасно знал полярную березу. Полярная береза—это ползучий кустарник с мелкими круглыми листочками. От суровых бурь и холодов полярная березка жмется к земле, к камням. И Афанасий дивился, что есть такие страны, где береза может высоко вздыматься над землей толстым белым стволом и шуметь зеленой, пышной листвой.

Вся жизнь, о которой Афанасий узнавал из книг, не походила на то, что окружало Афанасия и других ребятишек-новоземельцев.

О ездовых животных

В тех странах, где на лохматой земле растут высокоствольные березы, люди ездят на животных, совершенно незнакомых Афанасию. Эти четвероногие гораздо выше собаки и даже оленей.

У них смешные хвосты, совершенно не похожие ни на хвост собаки, ни на хвост полярной лисицы. Всего больше хвосты этих животных походят на человеческие, очень длинные, волосы, которые растут у ездовых четвероногих на лбу, на длинной толстой шее и там, где растет хвост. Этих четвероногих в книжках называют «лошади». Очевидно, лошади очень сильны, так как Афанасий заметил, что их запрягают не по десятку, а по одной или редко по две в тяжелые, неуклюжие сани.

Маленький Афанасий ездил только на собаках. На Новой Земле не сеют овсов, не косят травы — нечем там кормить лошадей. Ездовых же собак своих новоземельцы кормят мясом убитых моржей и тюленей. На Новой Земле нет дорог—по крутым скалам, по глубоким сугробам не пройти тяжелой лошади. Зато самоедские собаки где хочешь вытянут тяжелые самоедские нарты.

О добывании пищи

Знает Афанасий из книги, что в теплой стране разрывают весной мягкую землю и бросают в разрытую землю зерна. Из зерен вырастают стебли,

на стеблях—колосья, в колосьях—зерна. Зерна перемалывают в муку. Из муки пекут хлеб.

Хлеб? Это очень вкусно! Афанасий любит печеный хлеб и баранки. Но ему трудно понять, как это возможно вспахать землю и засеять ее семенами. На Новой Земле он видел только каменистые скалы. Когда много родится хлеба—люди в теплых странах говорят: «у нас урожай».

Самоеды не сеют хлеба, но они отличают «урожайные» годы от «неурожайных». Урожайным годом самоеды зовут такие годы, когда к берегам Новой Земли подходит много морского зверя—тюленей и моржей, когда в тундре появляется много белых песцов.

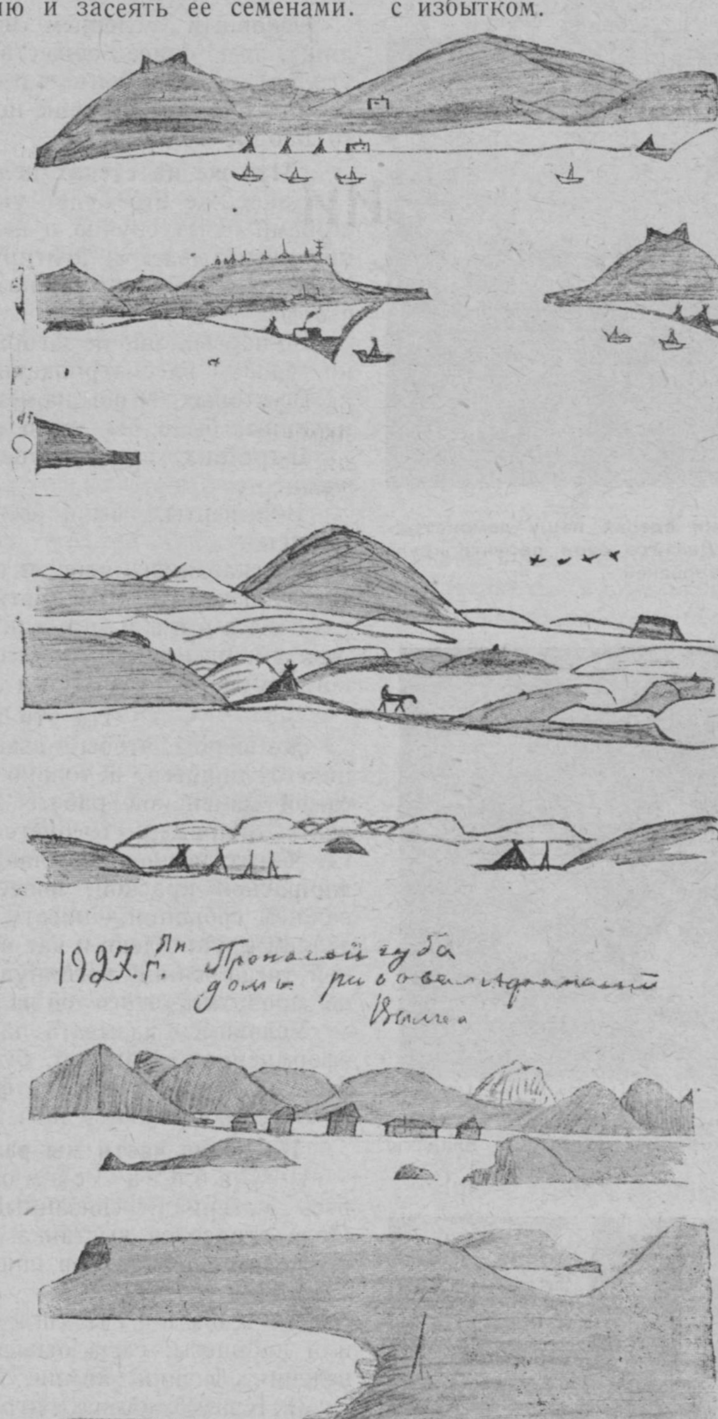
В теплых странах с утра до ночи под палящим солнцем люди кривыми ножами срезают хлебные стебли (они называют это «страдой»). Срезав стебли особыми длинными палками, они выколачивают зерна из колосьев. А на Новой Земле урожай зверя собирают с помощью ружей, ловушек и сетей.

Прошлый год был урожайным. Илья Вылка, отец Афанасия, хотя и состоит председателем Новоземельского совета, но от охоты не отстает. В зиму он упромыслил шестьдесят девять песцов — белых полярных лисиц, да сорок тюленей, да трех белых медведей. Охота — это «страда» самоедов.

На песцов минувшей зимой был большой урожай: все самоеды напромышляли столько, что за одну зиму расплатились со всеми долгами.

Зато на тюленей урожай был ниже среднего. А тюлень необходим для жизни новоземельских самоедов.

Тюлений жир дает самоеду тепло. Тюлений жир жгут, как топливо. «В теплых странах для тепла (так в книжках написано) рубят лес, заготовляют дрова, а у нас, думает Афанасий, — бьют тюленей. Тюлень лучше дров: он дает жир для отопления и корм для собак и шкуры для одежды. А дрова годятся только для печки. У нас лучше жить», — думает Афанасий. В урожайные годы тюленей на всех хватает с избытком.

Ребята-самоеды рисуют в своих школьных тетрадях окружающую их природу, людей и животных, и рисуют подчас очень хорошо

О большом городе

Так в школе, из книжек Афанасий Вылка узнает о жизни на материке, там, где растет хлеб, где лохматая земля щетинится лесом, где есть собаки, но на них никто не умеет ездить.

Вылка узнает о незнакомых странах и сравнивает их с Новой Землей.

Но еще больше Афанасий любит слушать рассказы своего отца Ильи. Илья, или, как его зовут самоеды, Тыко, два раза был на материке, был в Москве.

В темные зимние дни (а сплошная ночь длится на Новой Земле полтора месяца) Тыко Вылка, художник и председатель Новоземельского совета, рассказывает сыну и его сверстникам о большом городе.

И хотя Афанасий, как истый самоед, никогда не согласится променять свою холодную, голую страну на лохматую, теплую землю, но побывать в большом городе, посмотреть на шумные улицы, на веселую толпу, на трамваи и автомобили (ребята их видели на картинках).

С большой жадностью и вниманием ребятенки слушают в школе учителя, читают книжки. И в то же самое время вместе со своими отцами они ходят на охоту—бьют на льду неповоротливых тюленей и ставят хитрые капканы на песцов.

Летом, как праздника, ребятенки ждут парохода. Только двумя пароходами в год — в июле и в сентябре — сообщается Новая Земля с материком.

Пароход привозит ребятишкам бумагу, карандаши, краски, книжки с картинками. А в этом году привез и волшебный фонарь.

КАК УКРАСИТЬ ШКОЛУ

СЕРГЕЙ СЕНЬКИН

Большой лозунг в виде стрелки сделал нашу демонстрацию особенно выразительной. Делайте свои лозунги крупней и интересней

Собрались ребята, умеющие рисовать, и работа закипела. Из-под наших рук выходят хорошие лозунги и плакаты

В Ленинском уголке крупная, четкая надпись. Можно сразу сообразить, куда ты попал

Основным условием всякого украшения жилища, тем более общественного (школы, клуба, уголка), должно быть: ч и с т о т а, с в е т, у д о б с т в о. Если оформление не отвечает этим условиям, то оно не годится.

Что же на стенах нельзя ничего вешать?

Какое же это будет украшение? Да, с голыми стенами будет скучно и не только скучно, украшение воспитывает и агитирует.

Украсить школу нужно, но надо это сделать так, чтобы:

Во-первых, оно не загораживало света, было легко, удобно рассматриваемо.

Во-вторых, чтобы на нем не заводилось пыли и паутины, было бы легко следить, обтереть.

В-третьих, было бы основательно прочно повешено.

В-четвертых, было бы тщательно до конца выполнено.

Из сказанного ясно, что, прежде чем приступить к украшению, нужно иметь т щ а т е л ь н о р а з р а б о т а н н ы й п л а н. Что же касается характера украшения, то лучшее украшение будет тогда, когда будет ц е л е в а я у с т а н о в к а.

Что это значит?

Это значит, чтобы в выполняемой работе не было ничего лишнего, а только необходимое; во всякой, самой маленькой работе знать ее назначение, ее цель: например, требуется на доске об'явлений, где висит несколько плакатов, написанных черной и красной краской, повесить новое об'явление о важном собрании,—писать крупно—нет места, выделяем крупно день и час и пишем его зеленой краской, тогда всякий, взглянувший на доску, не сможет не прочитать этого об'явления. Цель достигнута.

Условимся называть наши полезные украшения оформлением. Краской, бумагой, деревом мы придаем удобную и яркую форму нужному для нас об'явлению, плакату и т. д.

На какие части мы разделим нашу работу?

1) Р а б о т а с а м о й ш к о л ы и вообще весь материал, связанный со школьной учебой. Сюда относятся выставка комплекса, выставка достижений, недостатков школы (общая или по группам).

2) К о м н а т ы ш к о л ь н ы х з а н я т и й или кабинеты: сюда относятся кабинеты обществоведения, физики, химии, библиотека-читальня.

3) К л у б, комната игр, у г о л к и: Ленинский, Мопра, Осоавиахима.

4) В ы с т а в к и постоянные, временные—к текущей кампании.

5) С т е н г а з е т а.

6) П л а к а т ы, л о з у н г и, о б'я в л е н и я

7) Вечера, спектакли, демонстрации.

Оформления могут быть:

а) об'емные (подставка для книг, витрина и т. п.);
б) плоскостные: плакат, лозунг и т. д.
в) световые фонари, стойка с диапозитивами.

Что касается об'емных сооружений, то, вероятно, большинству школ не приходится об этом заботиться за недостатком средств, мы поэтому перейдем к оформлениям плоскостным.

Шрифт (это касается и лозунгов, и стенгазеты, и об'явлений) должен быть простой, «рубленый», наиболее легко читаемый, его можно выполнять акварельными клеевыми красками. Очень удобно, нарядно, красочно можно сделать, вырезая буквы из цветной бумаги. Форма букв при всех размерах слова одинакова и разнообразить раскраской. Иллюстрация—это относится к плакатам стенгазет и т. д.—должна быть по возможности механизирована, это значит, побольше пользоваться фотографией, вырезками из журналов (фото-монтаж). При необходимости большого рисунка—рисовать, увеличивать по клеточкам. Большую помощь в изготовлении иллюстраций может оказать организация фото-кружка.

Что касается световых украшений надо знать, что этим способом выявляется только самое основное; работа над этим трудна, но зато результат получается превосходный, надо только особо тщательно выполнить. Как сделать световое оформление – смотря потому, что надо оформить, берется ящик соответствующих размеров (он может быть из фанеры, картона и т. п. В ящик спускаются 1—2—3 лампочки в зависимости от размера, лампочки лучше не очень яркие), чтоб свет равномерно падал, хорошо их обернуть папиросной белой бумагой. На передней стороне ящика вынимается стенка, отверстие заклеивается либо толстой бумагой, либо тонким картоном, на котором имеется прорезанный рисунок, сзади под этот рисунок подклеивается цветная папиросная бумага. Можно рисунок выполнить одной цветной бумагой, т.-е. не прорезая специального рисунка, а прямо делая фон из папиросной бумаги и наслаивая из той же бумаги оттенки. Тогда можно давать и оттенки рисунка. Но для этого требуется большая аккуратность и точность в работе.

Световые сооружения делаются, главным образом, при каких-либо кампаниях, вечерах, когда требуется на короткий срок что-либо сильно выделить.

Как приступить к работе? Самое лучшее всю работу по оформлению школы поручить кружку ИЗО, если его нет, то организовать его из ребят, интересующихся рисованием. Такая большая практическая работа поможет его организации. Часть работы вполне может быть выполнена во время школьных уроков рисования.

Для разработки общего плана оформления необходимо привлечь кого-либо из педагогов, лучше учителя рисования, пионер-вожатого и т. п.

При составлении общего плана надо распределить, где, что будет находиться и приблизительно определить количество и характер оформления, например, для читальни:

(будет находится в угловой комнате)

3 плаката с цитатами,
4 плаката с рекомендацией книг,
6 надписей «Тишина»,
3 цветных абажура.
Украсить полку для книг-новинок красной материей.
4 портрета.

В ШКОЛЕ

Нам учеба не бывает долгой,
Незаметно промелькнет урок.
По углам веселым перебоем
Запевает радостно—
Звонок.
На уроках тишина немая,
Только стукнут дверь или окно.
У подруг в руках танцуют перья
И пестрит бумаги—
Полотно.
Погрузились головы в учебу,
Забывая солнце и траву,
Открываю новую книжонку,
Начинаю первую
Главу.
А на смену книгам физкультура.
„Раз, два, три",—команда зазвучит.
С каждым днем сильней мускулатура,
В теле новой бодростью горит.
Дни бегут. Щетинятся минуты.
Незаметно промелькнет урок.
Можешь все узнать, покуда в классе,
Ярким звоном закричит
Звонок.

Деткор **Н. Трофимова**

При разработке и выполнении темы надо, во-первых, выделить все основное и существенное, выполняя это наиболее броско и ударно.

1) Крупная фигура (одна или две) пионера, или пионерского значка, или сделанный из материи огромный галстук.

Рисунок увеличивается по клеткам из какого-либо журнала или фотографии.

2 Крупно: основной лозунг.

3) Ряд иллюстраций, чем отличается пионер от других ребят,—работа пионера вообще.

4) Мелкие схемы, диаграммы фотографии о работе форпоста, состав его, списки и т. д.

Как рисовать буквы: в «Пионере» № 22 за 1926 г.

ПИОНЕР: Вот что, бабушка. Родилась ты с этой чертовщиной, ты с ней и помирай, а мне не навертывай, без нее родился: без нее и жить буду

БЕЗБОЖНИКИ В ШКОЛЕ

А. Д.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ КРУЖОК

Каждый пионер должен быть активным безбожником, всегда готовым к борьбе за ленинское учение.

Что же нужно сделать пионерам в школе для активной борьбы с религией?—Прежде всего организовать кружок безбожников. Для этого поручить представителю форпоста в учкоме добиться постановления об открытии антирелигиозного кружка, а затем попросить либо заведующего школой, либо школьный совет прикрепить к кружку обществоведа.

Школьник-учкомовец, пионер от форпоста, вожатый и обществовед составят президиум кружка. Они наметят общий и календарный план, программу кружка и метод работы. После начнут агитировать среди учащихся за вступление в кружок, произведут запись первых участников, — и антирелигиозный кружок—активный борец с поповщиной — таким образом появится на свет!

Так как маленький кружок безбожников не сможет справиться со всей той работой, которую ему придется вести, то нужно тотчас же привлечь на заседания президиума школьников и из других кружков, а вместе с ними и их руководителей, т.-е. руководителя драмкружка, преподавателя музыки и рисования, естествоведа и словесника.

Какова же может быть программа кружка безбожников?

БОГ: Звезды снимай, ребятишки, потому день сейчас, а уже вечером опять их понатыкаете

Составить ее можно по-разному. Но все же каждая из них должна поставить непременно хотя бы некоторые из тех вопросов, на которые нужно уметь отвечать каждому активисту-безбожнику.

И вопросы эти следующие:

1) Почему и как коммунисты борются с религией? (Вступительная беседа, которая должна наметить полный круг вопросов кружка).

2) Почему бывают: засуха, налеты саранчи, болезни повальные среди людей и животных?

3) Как можно победить природу: молитвой и чудесами попов или же чудесами техники, научными открытиями и изобретениями?

4) Правильно ли религия об'ясняет устройство мира? Происхождение живых существ, и в частности человека?

5) Что нас ожидает после смерти? Есть ли у человека душа?

6) Зачем капиталистам нужна религия?

7) Почему советская школа—безбожная школа, а у буржуазии она вся во власти поповского мракобесия.

8) Как об'яснить происхождение и смысл христианского Рождества?

9) Что такое Пасха?

10) Отдельные моменты из истории борьбы науки и религии.

Все эти или некоторые из этих вопросов, выбранные для проработки, следует расположить в календарном порядке. По этим вопросам необходимо проводить тщательную беседу с обществове-

дом, либо заслушивать докладики учащихся, либо устраивать громкие чтения маленьких, просто и интересно написанных на эти темы книжек.

Какие книги

Вот несколько таких книжек для коллективной читки их и для составления по ним докладов.

Степанов.—О правой и неправой вере.

Бляхин.—Как попы дурманят народ.

Фрумкина.—Долой раввинов!

Горев.—О засухе.

Гремяцкий.—Как возникла и развилась жизнь на земле.

Завадовский.—О коробке консервов, о происхождении жизни на земле.

Анучин.—Происхождение человека.

Михельсон.—Гром и молния.

Рубакин.—Чудеса техники.

Степанов.—О душе, о загробной жизни, о боге...

Завадовский.—Отчего происходят болезни и как с ними бороться.

Рихтер.— Что с нами будет после смерти.

Лукин.—Революция и церковь.

Горев.—Карловицкий собор.

Бухарин. — Церковь и школа в советской республике.

Беседы с деревенской молодежью. Хрестоматия. Вып. I-й.

Стоит ли земля на китах.

Создан ли мир в 6 дней.

Выпуск 2-й. Происхождение и развитие жизни на земле.

Как произошел человек.

Выпуск 3-й. Есть ли у человека душа?

Выпуск 4-й. Великие и грозные явления природы.

Выпуск 5-й. Как человек покорил природу.

Пионерские странички «Безбожник у станка», 1925 г. №№ 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12. 1926 г. №№ 1, 2, 3, 4 и т. д.

Комсомольское рождество. Изд. «Красная Новь». 1923 г.

Комсомольская пасха. Изд. «Красная Новь» 1923 г.

Молодым безбожникам. Сборник под ред. Политпросвета ЦК и МК ВЛКСМ.

Коперник. Галилей, Бруно.—Биографии. Изд. Павленкова.

«Безбожник». — Газета под ред. т. Ярославского.

— Спасибо, дядя пионер, ты нас от косматых попов избавил. Нам уж не придется крестики носить, к иконкам прикладываться и молитвы зубрить

РАДИОЗАЙЦЫ: Дядя бог, на-ка по слушай отчет товарища Рыкова

Конечно, молодым товарищам-безбожникам не следует замыкаться в тесном кружке. После того, как заслушаны два-три доклада, необходимо тотчас же выступать с ними на больших собраниях учащихся. Иллюстрируя доклады картинками волшебного фонаря, привлекая на службу безбожию кино, там где это возможно, пионерам-антирелигиозникам следует тотчас же итти к массам школьников с энергичной и бодрой безбожной агитацией.

Особенно сильным средством массовой пропаганды в руках молодых безбожников может оказаться и ярко написанная антирелигиозная стенгазета и красиво сделанный уголок безбожника, и тщательно подготовленный и умело проведенный антирелигиозный вечер.

Стенгазета «Безбожник в школе»

Содержание стенгазеты «Безбожник в школе» может быть, примерно, следующим:

а) О задачах кружка безбожников (передовая).

б) Обращение к учащимся (о вступлении в кружок, о помощи в проведении антирелигиозного вечера).

в) О христианском рождестве.

г) Почему мы боремся с религией.

д) Как я перестал верить в бога (воспоминание).

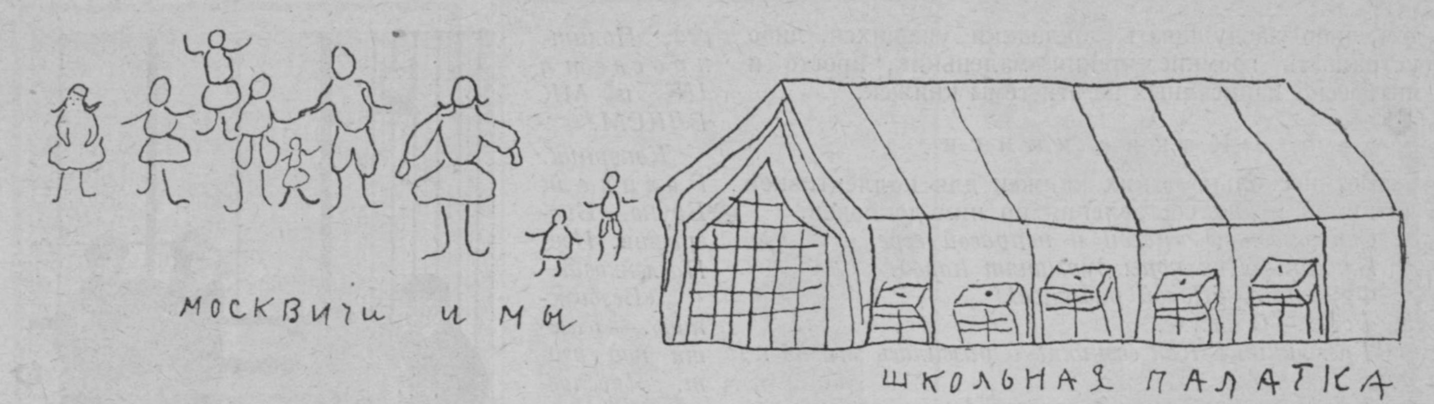
е) Частушки безбожные.

ж) Об уголке безбожника.

з) Отдел вопросов и ответов.

и) Почтовый ящик.

(Продолжение на 3-й стр. обложки)

ОБ ОДНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЕ

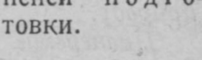
Очерк А. РАДЧЕНКО

Когда это началось

Это было в 1919 году, когда гражданская война, голод, холод и разруха у нас были еще в полном разгаре. Особенно тяжел был недостаток топлива. Население больших городов замерзало, поезда не ходили. Ведь наша нефть и уголь были в руках белых. Фабрики не работали, а без транспорта и без фабрично-заводской продукции не было и хлеба городскому населению, рабочим и красноармейцам. Вырубали леса, сады и парки, печи топились заборами, мебелью, книгами...

Вот в это тяжелое время на Шатурском болоте, в Московской губернии, усердно, как муравьи, работали взрослые пионеры советского строительства. Они вырубали низкорослые, тоненькие, подгнившие болотные деревца, рыли канавы, прокладывали дороги, раскладывали палатки, строили дома и бараки, измеряли и зондировали, планировали и рассчитывали, рассчитывали без конца. Это подготовлялось болото для добывания из него топлива—торфа. Это строились среди девственного леса жилища для рабочих и служащих государственных торфоразработок. Подготовлялась постройка Шатурской электростанции, которая, отапливаясь торфом, должна была доставлять энергию сперва для электрификации самих торфоразработок, а затем уже и для Москвы, ее фабрик и заводов, ее домов и улиц. Умелых, знающих рабочих-специалистов на месте не было—они приезжали из больших рабочих центров и вместе с семьями селились в окружающих Шатурку деревнях, в 4—10 верстах расстояния от нее. Лишь немногие с самого начала имели возможность поселиться на самой Шатурке. К таким счастливцам принадлежало пятеро детей 7—12 лет. Но им зато не доставало школы на месте. Они узнали, что в соседнюю деревню приехала безработная учительница. Они отправились к ней депутацией просить их учить. Комнату для занятий им обещал один из родителей, рабочий-слесарь. Учительница согласилась, и с этих пор стала ездить к ним на лошади, возившей молоко для шатурян. Вместе с нею ездили в Шатурскую школу еще трое ребят, родителей которых скоро должны были перевести на Шатурку.

Так 1 апреля 1919 года родилась Шатурская школа в числе восьми учеников-первоступенцев всех возрастов и степеней подготовки.

Школа в палатке

Но ребят прибывало с каждым днем и из самой Шатурки и из соседней деревни, не имевшей своей школы. Школе уже давно стало невыносимо тесно в комнате слесаря Козлова. Тогда ребята вместе с учительницей отправились искать себе другое помещение.

Наверху рисунок из дневника, изображающий московских школьников в гостях у шатурцев. Внизу этот же момент изображен на фотографии

Нашли только что установленную, утепленную палатку с печуркой внутри. Такие палатки предназначались для жительства сезонных рабочих-торфяников, которые должны были приехать к началу мая—недели через две. Школьники наши, не долго думая, заняли ее. Но из мебели здесь стояли только нары для спанья. Школьники превратили их в письменные столы для себя, а вместо стульев поставили чурбаки из распиленных бревен.

Скоро приехали торфяники, и пришлось покинуть палатку. К тому времени, к счастью, настолько потеплело, что можно было заниматься на воздухе. Нашли широкую просеку в лесу с кучей сложенных бревен. Это было наше третье школьное помещение. Ребята занимались, сидя на бревнах, вешая на сучок большой сосны свою линолеумовую доску. Из пособий у нас были лишь кое-какие неодинаковые книги для чтения, тетрадки, сшитые из старых конторских бланков и счетов, и небольшие кусочки карандашей,—все это, пожертвованное родителями и заводской конторой, хранилось в сарае недалекой молочной фермы.

Но заниматься было очень интересно. Для природоведения в нашем распоряжении была вся окружающая нас живая природа. О жизни и борьбе рабочих и крестьян ребята тоже узнавали от их живых представителей, наших близких соседей, а по математике у нас была масса необходимых живых исчислений и измерений. Ведь мы превращали свою дикую лесную просеку в культурный участок: оборудовали огород и ягодник, цветники и площадки для игр, живые изгороди и заборы; сколачивали скамейки, столы и навесы, рыли колодцы, складывали печурку для варки наших завтраков. И, наконец, видя усердие ребят, правление торфоразработок преподнесло нам собственную школьную палатку и раздобыло нам хоть старые, да настоящие школьные парты.

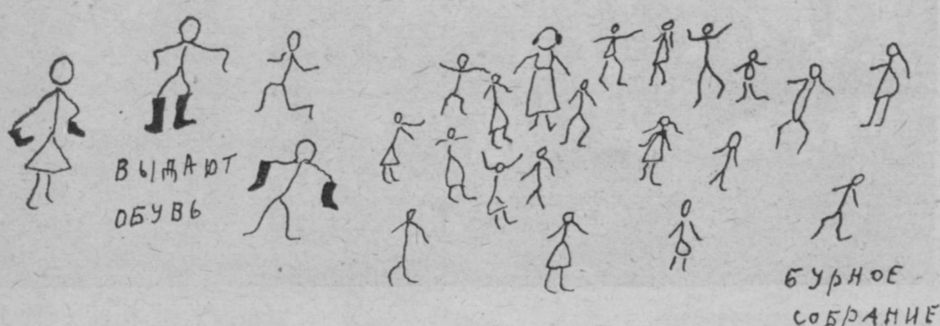
Ленин—совсем хороший мужик

Нашей работой очень заинтересовались проходившие мимо нашего участка рабочие и крестьяне, которые часто подолгу останавливались и беседовали с детьми и с учительницами, а часто и горячо спорили. Ведь идея новой, трудовой школы была так нова для них и часто так еще непонятна! А местные жители были очень отсталыми людьми в культурном и политическом смысле. Было среди них в то время по непониманию еще и не мало врагов советской власти. Наша трудовая школа на открытом воздухе, всем доступная для наблюдения и для критики, не мало содействовала одним своим существованием пропаганде советского дела. Вначале приходилось слышать от окружающих крестьян такие слова: «Вот подождите, скоро Деникин подойдет, и будете вы все висеть на этих деревьях, безбожники проклятые!». А к концу лета слышали уже совсем другие рассуждения: «Самое святое дело делают в такой школе». «Здесь хорошему развитию учат; ребята про всякую травку и букашку знают, что к чему, и так понятно про все рассказывают». «Вот по-ребячьему выходит, что Ленин совсем хороший мужик, дай бог, чтоб и другие коммунисты такими стали».

Ходили мы с ребятами по всем окрестным деревням знакомиться с жизнью и работой крестьян и деревенских школ. Вначале нас там очень плохо принимали: смеялись над нами, ругали нас. Ребята прятались от нас и с деревьев или из-за кустов бросали шишками, камнями. Смеялись больше всего над короткими платьями и штанишками и над непокрытыми головами. Совсем, как позднее в других местах над пионерами! Я и считаю, что наша Шатурская школа в целом среди деревенских ребят сыграла роль пионеров.

Ребята наши вели себя очень сдержанно и приглашали деревенских к себе в гости. А те кричали им вслед: «Да, знаем, заманите нас к себе, а потом отколотите!». Но когда наша школа устроила большой общедоступный спектакль на открытом воздухе, все же пришла масса деревенских ребятишек-школьников. Смотрели они сперва издалека, сильно робея, а потом все смелее приближаясь. С этого дня мы стали друзьями. С осени наши школы стали работать вместе, по общей программе. Пошли в ход взаимопосещения наших школ и в будни, и в праздники. Теперь уже деревенские школы стали устраивать свои спектакли, куда приглашают нас.

Гости из Москвы

Летом 1919 года к нам неожиданно пришли важные гости из Москвы. Вот, как об этом пишет одна девочка в своем дневнике:

«К нам приезжала комиссия от ВСНХ с Ры-

ковым и Красиным и хвалила нашу школу и огород, и мы им преподнесли своего салату и редиски».

В дальнейшем нас не мало посещали всякие экскурсии и делегации, между прочим, много иностранцев. В следующее лето 1920 года в нашей школьной палатке целую неделю гостила Московская опытно-показательная школа Наркомпроса («Мопшка»), которая приехала изучать шатурское строительство с его уже действующими торфоразработками и только что выстроенной небольшой временной электростанцией местного значения. «Мопшкинцы» были большие, рослые второступенцы, и наши шатурские первоступенцы робели перед ними, завидовали им и вместе с тем гордились своими гостями и своей собственной ролью их провожатых.

Так у нас проходило лето в физическом труде и умственных занятиях, в экскурсиях с учебными целями и в веселых прогулках с пением, играми и купанием в соседних озерах.

Учились, работали, тушили пожары

К осени наша школа уже выросла до восьмидесяти учеников с тремя учительницами. К октябрьским празднествам, которые мы отпраздновали грандиозным спектаклем для всех окрестных школ и для представителей от населения, нам преподнесли большую столовую для торфяников в качестве зимнего помещения для школы. Тут уже мы, организовавши крепко свои школьные дела, стали заниматься и некоторым общественно-полезным трудом. Старшие ребята рисовали картины для библиотечной выставки, писали карточный каталог для местной общественной библиотеки.

Вся большая и разнообразная производственная работа школы требовала постоянной твердой организационной работы. Эту работу производило детское самоуправление совместно с учительницами. Основной его формой были общие и групповые собрания, дежурства и артели. Немало было бурных собраний по тому или иному поводу. То спорили о том, с занавеской ли или без нее ставить спектакль, то о том мыть ли самим полы или попросить у правления уборщицу. Больше всего «бурных собраний» стало с тех пор, как из Наркомпроса к нам стала поступать кое-какая обувь и мануфактура, спорили о том, как ее наиболее справедливо распределять и использовать.

Шишки для «буржуек», башлыки для Красной армии

Осенью в городах опять надвигался страх мучительного холода зимой. Нас просили из Москвы собирать побольше шишек для топки самоваров и печурок-«буржуек». И все шесть школ нашего района усердно их собирали и зашивали в рогожные кули, которые заполнили всю школьную палатку.

А затем надо было заботиться о нашей геройской Красной армии. Ребята обходили местное население, собирая ненужные ему, хоть рваные, но чистые и теплые вещи. Все они, мальчики и девочки вместе, чинили что еще стоило починки, а из всякой рвани выкраивали башлыки, варежки и шарфы.

В последующие годы ребята производили различные сборы, спектакли и работы в пользу голодающего Поволжья, помогали они и в субботниках взрослых, в ликвидации железнодорожной катастрофы. Помогали местному совхозу.

Шатурская школа выросла в первом году с восьми до восьмидесяти учеников, во втором—до 150, в третьем—до 250. Она получила свое собственное постоянное здание. В 1922 году школьное об'единение района охватило 10 школ, 5 детских садов, 5 вечерних курсов для деревенских подростков, детский дом для сирот и беспризорных, обслуживая всего около 1.500 детей и подростков. При шатурской школе выросли великолепные учебные мастерские.

Теперь уже много учеников и учениц первоначального состава школы работает в местном производстве, местном сельском хозяйстве, местной школьной и политпросветской работе. Другие работают на Днепрострое и в других новых строительствах СССР. Думаю, когда потребуется защита нашего Союза от внешних и внутренних врагов, они будут и стойкими борцами.

Товарищи Рыков и покойный теперь Красин в гостях у шатурских школьников

СМЕРТЬ ОШИБКАМ

(Продолжение со 2-й стр. обложки)

жимой лавой устремлялась на парту. Ее обтирали, загоняли обратно в чернильницы, но через минуту она опять выползала, шипя и пузырясь.

Это было также Валькиным делом.

Наконец, однажды Валька почти открыл основной принцип своего изобретения.

Где мне найти такое перо, чтобы описать момент, когда школьники, получившие задание от преподавателя, обмакнули перья в чернильницы, начали ревностно ими скрипеть и... увидели, что на бумаге нет никаких следов написанного.

Они меняли перья, ревностно их облизывали, снова обмакивали в чернила, снова скрипели и... опять бумага оставалась белой, как первый снег.

И тогда выступил на сцену Валька. Глаза его сияли, как прожекторы, и каждый волос на его стриженой голове встал дыбом.

— Я изобрел! Я изобрел «Смерть ошибкам». Вы видите, что вы можете писать моими чернилами хоть всю жизнь, и ни один даже самый строгий учитель не найдет у вас ни одной ошибки. Ведь мои чернила не оставляют никакого следа на бумаге. Да здравствуют чернила «Смерть ошибкам»!

Все молчали, пораженные таким гениальным изобретением.

Конечно, если бы не Иван Павлыч, и сейчас считал бы себя Валька гениальным изобретателем. Но Иван Павлыч посмотрел на это дело иначе.

Иван Павлыч—любимейший из наших учителей—удивительно умел с нашим братом разговаривать. Ни глаз страшных не делал, ни изображал из себя громкоговоритель, а так умел за любую шалость пожурить, что потом уж ни за что этой шалости не повторишь. И не потому, что боишься какого-нибудь наказания, а потому, что сам видишь—нехорошо сделал.

Вот этот самый Иван Павлыч и взялся за Вальку. Что они там говорили—никому неизвестно, но вышел от него Валька красный, как рак, и принялся чернильницы в ведро опоражнивать и «Смерть ошибкам» на помойку выливать.

Изобретательства, однако, Валька не оставил. Его черный «котелок» уж, должно быть, так был сделан, что без изобретательства обойтись не мог.

Но его изобретательский зуд направился на более простые и обыденные вещи.

Правда, иногда и тут его постигали неудачи.

Он, например, электрифицируя школьные звонки, такое устроил замечательное соединение, что звонки зазвонили хором и звонили до полного бешенства как учителей, так и учеников.

Однако, в конце концов, он тут одержал победу: звонки звонили от нажима одной кнопки сразу во всех классах и прекращали звон в любой момент.

Кроме того, Валька изобрел целый ряд других полезных вещей: рационализированный пенал, лучший способ выполнения заданий и т. д. Он изобрел, наконец, способ писания без ошибок.

Дело, оказывается, вовсе не в чернилах, а во внимательном чтении и изучении правил.

Способ этот заслужил в школе всеобщее признание.

Безбожники в школе

(Продолжение со стр. 21)

Не забудьте про уголок

Уголок безбожника можно составить как из самостоятельных работ ребят (их рисунков, плакатов и проч.), так и из вырезок картинок из журнала «Безбожник у станка», либо из экспонатов специального набора для уголка. Из вырезок можно смонтировать очень значительные и красивые плакаты.

Уголок нужно расположить по темам, с хорошо написанными заглавиями.

Тип уголка таков:

1) Заглавие.

2) Лозунги

(«Религия—опиум для народа». «Наука—враг религии: добей ее!» «Поп. мулла, раввин—миром мазаны одним». «Веришь ли ты в загробную жизнь?» Иди в церковь. Или ты хочешь строить свободную жизнь на земле? Иди к нам—в пионеры!» Фабричный дым нужней, чем ладан»).

3) Отделы:

а) Религия на службе у капитала.
б) Религия—рабство для труда.
в) Попы и война.
г) Религия и колонии.
д) Сектанство.
е) Религия тормозит социалистическое строительство.
ж) Машина выгоняет бога из деревни.
з) Электрификация—смерть бога.
и) Церковь и школа.

4) Как организован союз безбожников (схема).

5) Портрет тов. Ярославского.

6) «Необходимо прочесть!» (об'явления о книгах).

7) Полочка книг и журналов.

8) Ящик для статей и писем.

9) Об'явление кружка безбожников (доска об'явлений).

Самую большую роль в деле антирелигиозной пропаганды в массах учащихся должны сыграть вечера докладов с художественной частью. К их проведению безбожники должны долго и тщательно готовиться. Украсить зал, приготовить уголок к открытию, разучить коллективные и музыкальные номера и маленькую, но живую и веселую пьеску.

Как устроить такой вечер—об этом следует побеседовать подробно в следующий раз.

РЕДКОЛЛЕГИЯ **ОТВ. РЕДАКТОР:** Н. СЛЕПНЕВ

Главлит № А 4080. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово». Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 25.000.

Решение задач, помещенных в №№ 9, 11, 14, 17, 18, 19 и 20

Ворона и кувшин

Вода до краев кувшина не могла подняться потому что четверти кувшина воды было только достаточно для того, чтобы смочить камни и заполнить между ними промежутки, но не подняться выше.

Рассказ маляра

Маляр взвесил оба куска и по весу определил, на какой лист железа меньше пойдет краски.

Цепь

Несмотря на то, что количество звеньев во второй цепи было в сто раз больше, чем в первой, длина ее все же не увеличилась в сто раз по той причине, что сцепка и толщина звеньев уменьшала длину всей цепи.

№ 32

У школьников образовался прямоугольный треугольник, в котором были известны следующие величины: гипотенуза (лестница) = 8 метрам и три угла: прямой 90°, другой 60° и третий 30°. По теореме мы находим, что сторона, лежащая против угла в 30°, будет равна половине гипотенузы, т.-е. 4 метрам.

Дальше по теореме Пифагора мы находим величину другого катета (стена), которая будет равна $\sqrt{8^2-4^2} = \sqrt{48}$, т.-е. около 7 метров.

№ 34

Петин товарищ не поверил рассказу, потому что тот говорил несуразности: бегемот животное травоядное, а не плотоядное, к тому же бегемотов в клетке не держат.

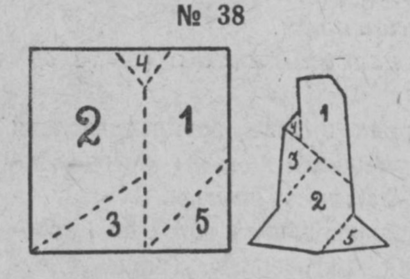
№ 35

7 на 4	11 на 6
12 » 3	10 » 2
9 » 1	8 » 5

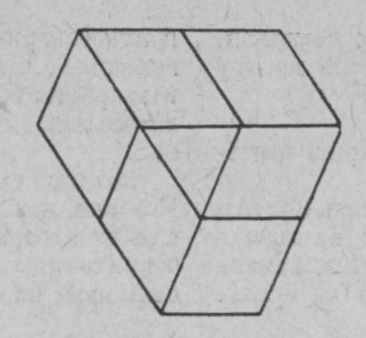
№ 36

11, 7, 6.

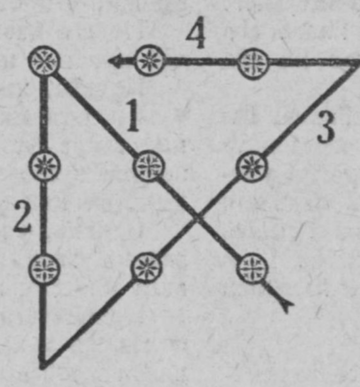
№ 38

№ 41

№ 43

№ 46

23	6	53	42	25	8
54	43	24	7	52	41
5	22	55	44	9	26
46	57	10	13	40	51
21	4	45	56	27	12
58	47	14	11	50	39
3	20	49	38	15	28
48	59	30	17	34	37
19	2	35	32	29	16
60	31	18	1	36	33

№ 48

Температура магазина была + 14° по Реомюру. Решение. Пусть термометр Реомюра, висевший в окне магазина, показывал x градусов; при тех же условиях термометры Цельсия и Фаренгейта должны показывать: первый $\frac{5}{4}x$, а последний $32 + \frac{9}{4}x$ градусов. Предположим далее, что число градусов Цельсия было y; тогда, согласно условию задачи, имеем следующее уравнение: $10x + \frac{5}{4}xy + (32 + \frac{9}{4}x)(10 - y) = 453$. Упростив его и приняв во внимание $x = 2y$, находим $y = 7$ и $x = 14$.

№ 47

с	о	р	о	к	✽	о	с	и	н	а
о	к	о	р	о	к	✽	а	з	е	ф
к	о	✽	и	с	т	о	к	✽	ш	и
о	п	л	о	т		к	л	о	у	н
л	✽	о	н	и		а	и	с	т	ы
✽	г	т						о	ы	✽
г	р	о	с	с		с	о	к	✽	б
л	а	с	к	а		т	р	а	в	а
а	н	✽	о	п	е	р	а	✽	о	с
з	а	л	п	✽	к	у	в	ш	и	н
а	т	л	а	с	✽	п	а	ш	н	я

№ 49

Газеты и журналы написаны на языках:

1) Украинском
2) Еврейском
3) Осетинском
4) Татарском
5) Латышском
6) Немецком
7) Мордовском
8) Белорусском
9) Чувашском
10) Марийском
11) Польском
12) Французском.

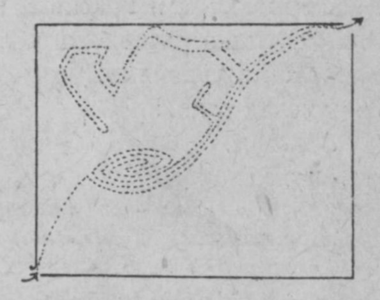
№ 50

Пополам делится число 40; заменяя остатки чисел буквами, получим лозунг: «Да здравствует десятая годовщина Октября».

№ 51

«В дни десятой годовщины Октябрьской революции подведем итоги строительства социализма и перед могилой великого вождя дадим обещание докончить начатое им дело до конца».

№ 52

Пунктиром показан путь лабиринта.

ЗА НЕИМЕНИЕМ СВОБОДНОГО МЕСТА ФАМИЛИИ 27 РЕБЯТ, ПРИСЛАВШИХ ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕНЫ БЫТЬ НЕ МОГУТ.

ВСЕМ РЕБЯТАМ, ПРИСЛАВШИМ МАТЕРИАЛ—СПАСИБО, КОЕ-ЧТО ПРИ СЛУЧАЕ ИСПОЛЬЗУЕМ.